Анне-Кат Вестли

Каос и Бьернар

Маленький голубой автобус

Жил в Норвегии маленький мальчик, звали его Каос. Вообще-то его настоящее имя было Карл Оскар, но когда он был совсем маленький, ещё меньше, чем сейчас, ему было трудно выговорить такое длинное имя, и он назвал себя Каосом. Это было немного похоже на Карл Оскар, по крайней мере, ему так казалось. Вскоре и мама стала звать его Каосом, а за ней и папа, и наконец все знакомые, которые жили с ним в одном городе.

Город был не большой, но и не очень маленький. Назывался он Ветлебю, по-норвежски это и значит "небольшой город". Как и во всех городах, в Ветлебю была Главная улица. Она тянулась через весь город, и на ней были всякие магазины, аптека, библиотека, сберкасса и почта. Были в городе и неглавные улицы и даже переулки, но на них магазинов почти не было.

У города были две достопримечательности, и он очень гордился ими. Первой - была гора. Только не подумайте, будто город стоял у подножия этой горы. Нет, он раскинулся по её склонам, и на верхние улицы жители попадали не без усилий. Но они любили свою гору и не жаловались.

Второй достопримечательностью был водопад. С вершины горы стекало множество ручьёв и ручейков, они сливались в реку, и река текла в город. Кое-где она текла медленно и спокойно, а кое-где яростно бросалась со скал и уступов, встречавшихся ей на пути. Это и были водопады.

Самый большой водопад находился в центре города. После этого водопада река снова становилась рекой и мирно впадала в озеро, лежавшее за городом.

Жители города любили водопад и, чтобы лучше им любоваться, построили над ним мост. Мост был такой высокий, что брызги не долетали до него. Каос жил рядом с этим мостом. Дом, в котором он жил, назывался Газетным, потому что в нём выпускали газету. Здесь работали журналисты, художники, фотографы и печатники. Газету выпускали на втором и на третьем этаже, а на первом был склад и рядом с ним небольшая квартира - две комнаты, кухня и ванная.

В этой квартире и жил Каос. В типографии гудели печатные станки, за окном грохотал водопад, но Каосу они не мешали. Это был свой, привычный шум, и Каос относился к нему как к старому другу. Впрочем, водопад грохотал не всегда: зимой он превращался в простой журчащий ручей. Зато весной и осенью это был настоящий большой водопад.

Сейчас стояла осень, водопад грохотал вовсю, но Каос и папа с мамой легко засыпали под его шум, радовались ему по утрам и весь день помнили о нём.

Газетный дом стоял на площади, тоже довольно шумной, потому что через неё проезжало много машин и мотоциклов. Машины сердито ревели, давая газ, чтобы преодолеть крутой подъём, начинавшийся сразу за площадью. К их шуму Каос тоже привык. Он всегда точно знал, какая машина едет мимо его дома: легковая, грузовик или автобус, и среди них всегда различал шум одной машины - маленького голубого автобуса, который возил пассажиров из города в гостиницы, находившиеся у самой вершины горы. Этот автобус так и назывался Горным, и водителем на нём был папа Каоса. Когда вечером Горный автобус возвращался из рейса, Каос подбегал к окну и кричал:

- Мама! Мама! Это папа!

И если мама не готовила ужин, она тоже подходила к окну и они вместе с Каосом смотрели, не остановится ли голубой автобус возле их дома. Случалось, он останавливался, даже если путь был свободен и никто из пассажиров не собирался выходить на площади. Автобус давал короткий сигнал и чуть подавался назад - это был особый автобусный танец, который он исполнял только перед Каосом и его мамой. Потом автобус снова продолжал путь. Он спешил доставить пассажиров до места и вернуться на автобусную станцию, где был его дом. Перед сном автобус тщательно мыли и внутри и снаружи, чтобы завтрашним пассажирам было приятно в нём ехать.

Если было не слишком поздно и не слишком темно и была не слишком плохая погода, мама разрешала Каосу пойти встретить папу. Но она сама переводила его через площадь, на которой грозно ревели машины и танцевал голубой автобус, если у папы было хорошее настроение.

Сегодня настроение у папы было отличное, автобус исполнил свой танец и даже два раза погудел. Каос сразу понял, что папа торопится домой. Но мама жарила форель, и Каос не знал, сможет ли она перевести его через площадь. А вдруг из-за этой форели он не пойдёт встречать папу? Каос взглянул на маму.

- Не волнуйся, сейчас я провожу тебя, - сказала мама. - Я как раз только что перевернула рыбу и убавила огонь.

Мама надела куртку, а Каос - свитер. От спешки он никак не мог попасть головой в ворот. Наконец его голова вынырнула наружу, и Каос с мамой выбежали из дома на площадь.

Вот уж где было шумно! Водопад грохотал, типография громко кашляла, машины ревели. Каос взял маму за руку, посмотрел налево, потом направо, выждал минутку и пошёл на другую сторону. Там он остановился и посмотрел, как мама пойдёт обратно, - ведь он тревожился за неё ничуть не меньше, чем она за него. Перейдя площадь, мама помахала Каосу рукой. Теперь он мог один идти на автобусную станцию, больше ему не нужно было переходить улицу.

Станция была недалеко. Каос прошёл через зал ожидания и вышел на двор, где стояли автобусы. Их было много. Одни готовились к последнему вечернему рейсу, другие отдыхали - они уже достаточно наездились за день.

Голубой горный автобус стоял в самом углу двора, и папа рядом с ним, но Каос знал: бежать к папе нельзя, надо ждать на крыльце - во дворе было опасно, туда приезжали всё новые и новые автобусы.

Каосу казалось, что он ждёт слишком долго. Папа как будто не замечал его, он разговаривал с одним из водителей, потом влез в автобус за сумкой, потом снова заговорился. Но вот он взглянул на крыльцо и улыбнулся Каосу.

Теперь Каос мог ждать сколько угодно! Тут было на что посмотреть, тем более что Каос знал в лицо каждый автобус. Тот, который ездил в долину, устал и запылился, его рабочий день уже кончился, и он ждал, когда его вымоют. Тот, который ездил к подножию, тоже изрядно устал, но ему предстояло совершить ещё один, последний, рейс - перед ним толпились люди и кое-кто уже поднялся внутрь.

Самый важный вид был у городского автобуса. Да как же ему было не важничать, если он целый день ездил по асфальту и почти не запачкался!

Впрочем, когда Каос присел на корточки, он увидел, что и у городского автобуса

под крыльями полно пыли.
А вот и папа! Но Каос даже не шелохнулся, хотя у него внутри всё так и подпрыгнуло от радости, папа мог быть спокоен - его сын не выбежит на автобусную площадку.
Наконец папа взял Каоса за руку, они рядышком прошли через зал ожидания, вышли на улицу и направились к дому. Каос старался делать такие же большие шаги, как папа, а папа - такие же маленькие, как Каос, и потому они шли почти в ногу.
На площади они остановились. Здесь, беря разгон перед подъёмом, машины ехали особенно быстро. Перейдя площадь, Каос с папой пошли не домой, а поднялись на мост. Папа помог Каосу встать на нижнюю планку перил, чтобы он, держась за верхнюю, мог лучше видеть водопад.
Водопад бесился и яростно пенился, в воздух летели брызги, и было видно, что с этим водопадом шутки плохи.
- Ишь набрал силу! - крикнул папа Каосу в ухо.
- Э-ге-гей! - крикнул Каос водопаду.
- Тум-тара-тум-тара-тум! - прогрохотал водопад ему в ответ.
Каос так обрадовался, что замахал руками, хорошо, папа крепко держал его, а то бы он непременно свалился в воду.
- Ну, нам пора, - сказал папа.
- Посмотрим ещё!
- Идём, идём, пора.
- Не хочу! - Каос ещё сильнее замахал руками, радость так и бурлила в нём.
Папа рассердился, снял Каоса с перил и встряхнул за плечи.
- Если ты будешь так бесноваться, мы больше не придём сюда!
Каосу стало обидно, он даже заплакал про себя, но папе ничего не сказал.
От радости не осталось и следа. Папа заметил, что Каос притих.
- Не сердись на меня, - сказал папа. - Я ведь испугался. Мне показалось, что ты уже себя не помнишь.
Но Каос всё помнил и вовсе не собирался прыгать в водопад, как показалось папе. Просто ему было весело, а теперь стало грустно. Впрочем, ненадолго, ведь день всё-таки был хороший, и папа рано вернулся с работы.
- Угадай, кого я видел сегодня в лесу, когда ехал наверх? - спросил папа.
- Лося! - выпалил Каос, он был почти уверен, что не ошибся.
- Верно, - сказал папа, - и не одного, а сразу трёх, целую семью. Сперва на дорогу вышла лосиха с лосёнком, а потом и сам лось.
- И ты чуть не задавил их? - испугался Каос.
- Нет, что ты! По горной дороге я еду не спеша и внимательно смотрю по сторонам. Но лосёнок оказался уж очень неосторожным, так и лез под колёса. Пришлось мне остановиться. Пассажиры были рады неожиданному развлечению. Простояли мы минут десять, а лоси всё не уходят. Тогда я включил мотор - никакого впечатления. Я зажёг фары, свет очень понравился лосёнку, он подошёл совсем близко к автобусу и стал чесать бок о радиатор. Я уже не знал, что делать, как вдруг вспомнил один старый способ.
- Какой? - От любопытства Каос даже забыл, что немного обиделся на папу.
- Я вспомнил, что в таких случаях надо петь, и запел. Я пел все песни

подряд. Потом мы открыли окна и стали петь хором. Представляешь себе такую картину? Лоси послушали, послушали и на всякий случай скрылись в лесу. Кто их знает, что у них на уме, у этих людей, которые зачем-то горланят во всю мочь.
- А им, наверно, и в лесу тоже было слышно, как вы поёте?
- Возможно, - согласился папа. - На прощание мы спели им ещё несколько песен, похлопали друг другу и не спеша поехали дальше.
Папа и Каос уже подошли к дому. Папин рассказ произвёл на Каоса сильное впечатление, ему казалось, что это он сам ехал в голубом автобусе, пел вместе с пассажирами и любовался лосями, которые слушали их песни.
- О-хо-хо, хорошо вернуться домой! - сказал папа, глубоко вздохнув и потянувшись.
- О-хо-хо, хорошо вернуться домой! - повторил за ним Каос.
На кухне аппетитно пахло жареной форелью, Каос очень её любил. А ведь было время, когда он вообще не ел рыбы, и не потому, что она ему не нравилась, а потому, что боялся подавиться рыбьей костью. Однажды у него на глазах подавилась тётя, папина сестра.
Дело было так: тётя приехала к ним в гости и осталась обедать. На обед была рыба. Тётя ела очень быстро, но за едой она любила поговорить. Вдруг она испуганно замолчала и начала кашлять.
"Ох! - выдавила она с трудом. - Кажется, мне в горло попала кость". Лицо у тёти побагровело, на глазах выступили слёзы. "Поешь скорей картошки и проглоти корочку хлеба, тогда кость пройдёт", - посоветовал папа. Тётя так и сделала. Каос очень испугался. "Кажется, прошло", - сказала наконец тётя, перестав кашлять, и все вздохнули с облегчением.
С тех пор Каос боялся есть рыбу. Узнав об этом, тётя привезла ему подарок, хотя день рождения у него уже прошёл, а до рождества было ещё далеко. Она подарила ему большое увеличительное стекло с чёрной ручкой!
"Вот тебе лупа, Каос, - сказала она. - Теперь можешь не бояться. С этой лупой ты не пропустишь в рыбе ни одной косточки, только смотри повнимательней". Через несколько дней мама приготовила на обед жареную рыбу. Каос с нетерпением ждал этого, ему хотелось испробовать тётин подарок. И лупа помогла. Сперва обследовал свою порцию Каос, потом папа и мама. Теперь каждый раз, когда они ели рыбу, лупа лежала на столе. Мама даже сшила для неё нарядный чехол.
Вот и сегодня, сев за стол, Каос первым делом схватился за лупу и съел столько форели, что у него чуть не лопнул живот.
Наконец он отправился спать. Спал он в спальне вместе с папой и мамой, только они ложились гораздо позже, чем он. По обыкновению, ему разрешили нарисовать один рисунок, лёжа в кровати. Сегодня он нарисовал трех лосей, которые стояли в лесу и слушали, как поют пассажиры маленького голубого автобуса.
Это был удачный день. В такие дни голубой автобус всегда танцевал для Каоса и его мамы.

Эва и Бьёрнар
Вы уже знаете, что папа Каоса был водителем автобуса. А его мама работала

продавщицей, но не в обычном магазине, а в аптеке. К маме приходили люди, которые перед тем побывали у доктора, но случались и такие, которые приходили сами по себе, чтобы купить микстуру от кашля, таблетки от головной боли или пластырь, чтобы заклеить царапину.
Папа возил пассажиров в горы на маленьком голубом автобусе, мама отпускала больным лекарства, а Каоса на это время отводили к "дневной маме". Когда ребёнка не с кем оставлять дома, а родителям надо ходить на работу, они отводят его к "дневной маме". "Дневную маму" Каоса звали Эва, её сын Бьёрнар был для Каоса "дневным братом". Так что Каосу очень повезло, ведь родного брата у него не было. Да и Бьёрнару тоже повезло: у него тоже не было родного брата. Он жил вдвоём с мамой, его папа работал в большом городе и приезжал домой только по субботам и воскресеньям.
Утром Каос проснулся рано и сразу подбежал к окну. Он хотел поздороваться с водопадом. Теперь, осенью, по утрам было ещё темно, но возле моста горел фонарь и водопад было хорошо видно. От света фонаря брызги казались золотистыми искрами. Дерево, что росло рядом с водопадом, скрывалось в тени, но Каос был почти уверен, что на нём, как всегда, сидят две сороки, и ему очень хотелось, чтобы они взлетели.
Папа вставал раньше Каоса и готовил завтрак, а мама спала дольше всех. Она просыпалась с трудом и с утра всегда бывала не в духе. Папа с Каосом привыкли к этому и никогда не заговаривали с ней первыми. Они ждали, чтобы она умылась, села за стол, поела, выпила кофе и вспомнила об их существовании. Тогда мама как будто просыпалась во второй раз и говорила:
- Доброе утро!
Папа с Каосом кивали ей, и тут уж они начинали говорить все трое, перебивая друг друга, потому что времени у них оставалось в обрез, а каждому нужно было сообщить что-нибудь очень важное.
Сегодня, например, папа сказал, что у него будет вечерний рейс, и Каос огорчился. Вечерний рейс означал, что Каосу придётся лечь спать раньше, чем папа вернётся домой. Такие дни Каос называл неудачными. К тому же мама проспала, и они почти не успели поговорить.
За ночь похолодало, и мама второпях искала Каосу шапку. Папа схватил пакет с бутербродами и ушёл, не успев вымыть посуду. А Каос бросился к окну, чтобы помахать папе на прощание. Он смотрел, как папа, выждав, осторожно переходит через площадь. Вот он уже на той стороне, и хотя папа очень спешил на станцию, где его ждал голубой автобус, он всё-таки обернулся и махнул Каосу пакетом с бутербродами.
Через несколько минут мама с Каосом тоже вышли из дома. Они спешили, а Каос не любил спешить. Он умел бегать очень быстро и мог легко обогнать маму, но быстро идти рядом с мамой у него не получалось: мама делала один шаг, Каос - два, и тут уж ничего нельзя было поделать. Когда они выходили из дому пораньше, они шли медленно и всегда останавливались, если им на пути встречалось что-нибудь занятное. Сегодня же идти было скучно и даже неприятно.
Каос обрадовался, когда они подошли к дому, где жили Бьёрнар и Эва, и тут же позвонил в дверь. Мама стояла как на иголках. Она едва поздоровалась с открывшей им Эвой и пустилась бегом в аптеку.

Сегодня ей было некогда оборачиваться и махать Каосу на прощание. Каосу стало грустно. Но на всякий случай он всё-таки задержался в дверях и посмотрел ей вслед. И не зря, потому что мама остановилась и махнула ему, при этом она споткнулась, чуть не упала и скрылась за углом. Каос сразу повеселел.
- Проходи, Каос, мы там, во дворе, - сказала Эва, запирая дверь. - Боялись, не услышим твоего звонка.
- А что вы там делаете? - спросил Каос.
- Латаем колесо, - ответила Эва. - Вчера ездили в библиотеку и прокололи шину на правом колесе. И это на асфальте! Идём скорей, посмотришь, какие мы мастера!
Эва с Бьёрнаром прокололи шину, но не у автомобиля и не у велосипеда, а у инвалидной коляски. На этой коляске Бьёрнар ездил потому, что у него были больные ноги, ходил он с трудом, и то на костылях.
Эва провела Каоса через дом на задний двор. Бьёрнар сидел на скамье и держал в руках коробку, в которой хранился резиновый клей, наждачная бумага и кусочки резины для заплаток.
- Сперва мы нашли дырку, - рассказывала Эва, - и, чтобы не потерять её, обвели мелом, потом вымыли колесо и потёрли то место наждачной бумагой. Теперь намажем его клеем и прилепим заплатку. Знаешь, что написано на тюбике с клеем? Видишь, какие большие буквы?
- Подожди, мама, я сам ему прочту, - вмешался Бьёрнар, он был немного старше Каоса и уже умел читать. - Тут написано: "Осторожно! Содержит трихлорэтил. Опасно для дыхания".
- А что это значит? - спросил Каос.
- А то, что парами этого клея опасно дышать, в помещении должна быть хорошая вентиляция.
- Таким клеем лучше всего пользоваться на воздухе, - сказала Эва. - Вот мы и занялись этим во дворе.
- Хранить в местах, недоступных для детей, - продолжал читать Бьёрнар.
- Правильно, от детей его надо прятать. Но хоть Бьёрнар и ребёнок, он должен уметь сам чинить свою коляску. Правда, Каос?
- Правда, - согласился Каос. - А я должен уметь ему помогать.
- Помогай, только осторожно, а после работы я спрячу коробку с клеем в свой тайник.
- Значит, в следующий раз, когда я проколю шину, клея мы не найдём! - сказал Бьёрнар.
- Найдём! - засмеялась Эва.- Мой тайник недалеко, тут, в сарае. Ну-ка, Бьёрнар, намажь шину клеем, и пусть он немного подсохнет. Кажется, так сказано в инструкции. Потом надо приложить заплатку, а вот долго ли она должна сохнуть, я не знаю. Наверно, недолго.
Вскоре колесо было как новенькое, но пока его не накачали, вид у него был, прямо скажем, унылый. Бьёрнар приготовил насос и лёг животом на скамью.
- Ну, с этим вы справитесь и без меня, - сказала Эва, - а я займусь другими делами.
- Не забудь, ты обещала, что сегодня мы пойдём на прогулку, - напомнил ей Бьёрнар.

- Я помню. И хорошо, что Каос сегодня оделся потеплее.
- Ну, я качаю, - сказал Бьёрнар.
- Я тоже хочу покачать! Всего пять разиков. Можно? - попросил Каос.
- Можно, - разрешил Бьёрнар. - Я начну, а потом дам тебе. Только ты следи, чтобы насос не соскочил, а то воздух не попадёт в колесо.
Каос очень старался, и колесо росло у него на глазах. Потом насос взял Бьёрнар, и скоро работа была закончена.
Сегодня они собирались совершить дальнюю прогулку. Эва принесла из дому два пледа и рюкзак. Мальчики оживились. Во время прогулок коляска Бьёрнара бывала у них то пароходом, то паровозом, то автомобилем, то чем-нибудь ещё.
- А чем она будет сегодня? - спросил Каос, когда они двинулись в путь.
- Сегодня? - Бьёрнар задумался. - Сегодня мы будем считать, будто гуляем без неё, просто идём рядом и беседуем.
Каосу это понравилось. Он шёл рядом и старался не отставать, чтобы Бьёрнару казалось, будто он тоже идёт, а не едет. Эва сзади толкала коляску. Вообще-то Бьёрнар мог ездить и без посторонней помощи, но только на ровном месте и не очень далеко. Он крутил колёса руками. Правда, это было трудно, и если путь предстоял неблизкий, коляску толкала Эва. Сегодня к тому же дорога шла в гору. Они как раз свернули в боковую улочку, которая круто поднималась вверх. В таких местах Каос обычно помогал Эве, и всё равно они справлялись с трудом. Им встретился знакомый парень, он поздоровался с Бьёрнаром и тоже взялся за коляску.
Когда подъём кончился, парень побежал обратно, но теперь дорога шла уже по ровному месту, и везти коляску было нетрудно. Каос с Бьёрнаром разглядывали встречных людей, наблюдали за машинами, велосипедами, собаками и птицами. От них не укрылось ничто. Глаза их были заняты одним, а мысли другим. Каос думал: где-то сейчас его папа с голубым автобусом, в горах или уже вернулся в город?
А Бьёрнар мечтал о том, чтобы им навстречу попался какой-нибудь человек, пусть даже мальчик, и чтобы этот встречный не спросил у него, как обычно: "Что у тебя с ногами? Почему ты не можешь ходить?" - этого Бьёрнар терпеть не мог, - а остановился бы, посмотрел на Бьёрнара и спросил: "Скажи, пожалуйста, который час?" Потому что совсем недавно папа подарил Бьёрнару часы. Они красовались у него на руке, и все могли их видеть. Бьёрнар старался, чтобы рукав куртки или свитера не закрывал их. Может, сегодня кто-нибудь спросит у него, который час? Он даже улыбался, представляя себе, как это будет, но они уже выехали на песчаную дорогу, идущую вдоль реки, и встречные перестали попадаться. Дорога была пологая и хорошо утрамбованная. Вот они и пришли к своему любимому месту - живописной горной террасе у водопада. Это был другой водопад, совсем не похожий на тот, возле которого жил Каос, и голос у него был совсем другой - мягкий, певучий. Сегодня водопад пел такую красивую песню, что они невольно заслушались.
- Отойдите подальше, а то вымокнете, - сказала Эва.
Она присела на пенёк отдохнуть. Каос, как собачонка, бегал, осматривая, всё ли в порядке на их любимом месте. А Бьёрнар взял костыли и начал тренироваться. Сперва он просто постоял, опираясь на них. Ему было приятно стоять, ведь когда человек стоит, мир выглядит совсем иначе. Даже лицо Каоса и

то изменилось! Потом Бьёрнар начал ходить по траве. Эва не помогала ему, она знала, что он этого не любит.
Каос, сидя на корточках, смотрел на воду, в лицо ему летели пена и брызги. Наглядевшись на водопад, он пошёл собирать камешки, мох и шишки и, когда Бьёрнар, устав, вернулся к коляске, принёс ему свои находки.
- Этот серый мох называется оленьим, - сказал Бьёрнар. - А ты знаешь, сколько всего на свете видов мха?
- Наверно, пять? - неуверенно спросил Каос. - Олений - серый, ещё есть зелёный и...
- Маловато, - сказал Бьёрнар. - Их очень много, около двадцати шести тысяч!
- Здесь, у нас? - изумился Каос.
- Нет, не у нас, а во всём мире. Ты не забудь взять мох и камешки домой, они нам пригодятся.
Потом они завтракали, и столом им служил большой камень, который Эва накрыла пледом. Бьёрнар сидел в коляске, а Эва и Каос - на земле, всем было очень удобно, и проголодавшиеся Каос и Бьёрнар налегли на вкусные Эвины бутерброды.
Погуляв ещё немного, они собрались домой. Теперь дорога всё время шла под горку, и они доехали очень быстро. Дома Каос и Бьёрнар так заигрались, что даже не заметили, как за Каосом пришла мама.
- А вот и я! - сказала мама. - И я уже не тороплюсь!
- Придёшь завтра, Каос? - спросил Бьёрнар, ему было жаль прерывать игру.
- Обязательно!
И Каос с мамой пошли домой.
Они шли медленно, останавливались у всех витрин и по пути рассказывали друг другу, как провели этот день.
Каос уже не помнил, каким неприятным было сегодняшнее утро, но мама этого не забыла.
- Завтра я непременно встану пораньше, - пообещала она Каосу.
- Посмотрим, как у тебя это получится! - засмеялся он.

Подготовка к полёту

Утром мама, как обещала, встала первая. Она была очень довольна собой, и настроение у неё было прекрасное. Они завтракали не торопясь, и после завтрака она даже предложила папе:
- Сегодня у меня много времени, мы с Каосом проводим тебя до автобуса, а потом я отведу его к Бьёрнару.
Идти втроём веселее, чем вдвоём, это каждому ясно, тем более когда не надо спешить. Первым делом Каос повёл папу и маму к водопаду. Как всегда осенью, водопад набрал силу и неистовствовал вовсю. Каосу было странно, что вода падала с уступа всю ночь, но её не стало меньше, и она продолжала лететь с прежней силой.
Мама вытерла с лица брызги, и они пошли провожать папу на станцию. Беседуя с мамой, папа занялся осмотром автобуса, а Каос затеял игру. Он умел играть, даже если был один, и от этого игра не казалась ему менее интересной. Сейчас

он играл, будто едет с папой. Он сел на заднее сиденье и стал смотреть в окно.
- Идём, Каос, нам пора! - позвала его мама.
- Не могу, я уехал на автобусе! - крикнул он. Ему не хотелось бросать игру.
- Тебе нельзя с автобусом, выходи! - Мама не поняла, что он играет.
- Я не могу сойти на ходу! - ответил Каос.
- Выходи, Каос! - Папа уже начал сердиться. - Ты поедешь со мной в пятницу, это уже скоро.
Но Каос медлил, ему хотелось, чтобы папа вошёл в автобус и вынес его на руках. Так и случилось, и когда папа вошёл в автобус, он сам прыгнул ему на руки.
- До свидания, Каос! Кланяйся Бьёрнару и Эве, - сказал папа и помахал ему на прощание.
Мама и Каос простились с папой и пошли по Главной улице, на которой было много магазинов. Правда, так рано и магазины были ещё закрыты. Зато витрины они могли разглядывать сколько угодно.
- Так даже лучше, - сказала мама. - Это нам обойдётся дешевле.
Сперва они осмотрели витрину, в которой висели платья. Потом подошли к спортивному магазину. В витрине стояли манекены в тёплых свитерах, куртках и с удочками в руках. Каос с мамой переглянулись.
- Такая удочка нужна папе! - в один голос решили они.
Следующим был книжный магазин.
- Давай купим какую-нибудь книжку, и ты мне почитаешь, - предложил Каос маме.
- Книги для чтения мы можем брать в библиотеке, - сказала мама. - А скоро ты пойдёшь в школу и научишься читать сам. Будешь читать нам с папой. Осталось ждать всего полтора года.
- А Бьёрнар уже умеет читать, хотя он тоже ещё не ходит в школу.
- Бьёрнар старше тебя. Он уже должен был бы ходить в школу, но врачи посоветовали Эве оставить его дома, пока у него не окрепнут руки и он не научится лучше ходить на костылях. Ведь в школе нельзя пользоваться коляской: в ней много лестниц с высокими ступеньками. Её построили давно, тогда никто не думал о детях, которые не могут ходить.
- Бьёрнару школа не нужна, - сказал Каос, - он и без школы всё знает, а читать и писать он научился сам. Они с Эвой каждую неделю ходят в библиотеку и берут новые книги.
- Да, Бьёрнар много читает, - заметила мама, - но зато он гуляет меньше, чем другие дети. И всё-таки в школу ему хочется, поверь мне, ведь там интересно и там он познакомится с другими детьми.
- Как ты думаешь, какую игру он придумает сегодня? - мечтательно спросил Каос.
- А по-моему, даже лучше, что ты не знаешь этого заранее, - сказала мама.
- Я вот знаю, что меня ждёт в аптеке, и мне совсем не интересно идти туда. Если Эва с утра будет заниматься музыкой, вам придётся самим себя развлекать.
- Уж мы что-нибудь придумаем!
Бьёрнар правда много читал и размышлял, потому что много времени проводил

один. И хотя он был старше Каоса, они любили играть вдвоём. Часто им не хватало дня, чтобы поиграть во все игры, какие они придумывали. Каос много ездил с папой и мамой и рассказывал Бьёрнару об этих поездках, а Бьёрнар рассказывал ему всё, что узнавал из книг.
Но в это утро никто не сказал бы, что Бьёрнар обрадовался приходу "дневного брата". Он даже не вышел из своей комнаты, чтобы поздороваться с ним.
- Не обращай на него внимания, он сегодня не в духе, - сказала Эва Каосу.
- Мы с тобой знаем, что это скоро пройдёт. Может, у него болит голова, а может, приснился плохой сон.
Каос кивнул и стал махать маме в окно. Он махал так усердно, что чуть не опрокинул горшок с цветами. Сегодня мама не опаздывала и могла ответить ему.
А Бьёрнару и правда приснился сон, но совсем не плохой, а как раз очень даже хороший. Во сне он мог бегать, как все дети, и они долго бегали по лугу, но вдруг Эва, Каос и все остальные убежали от него, а он долго кричал им вслед: "Подождите меня! Не убегайте! Каос, не беги так быстро!"
Но Каос всё-таки убежал, и теперь Бьёрнар дулся на него, хотя тот и не подозревал о своей вине.
- Ну что ж, Каос, придётся тебе поиграть одному, мне надо заниматься. Придумай что-нибудь, Бьёрнар у себя в комнате.
Да, Бьёрнар был у себя, он сидел неподвижно в своей коляске, а когда Каос поздоровался с ним, повернул коляску так, чтобы сидеть спиной к Каосу. У коляски было четыре колеса - два маленьких спереди и два больших сзади. Бьёрнар легко управлялся с ней, он ездил, останавливался и поворачивался в любую сторону. После вчерашней прогулки колёса были вымыты и блестели.
Бьёрнар был мрачен, и Каос начал играть в одиночестве. Он лёг на пол и принялся строить из кубиков невысокий длинный дом, при этом он тихонько что-то приговаривал себе под нос. Постепенно он увлёкся и заговорил во весь голос, забыв, что Бьёрнар не в духе. В соседней комнате Эва играла на пианино, и чем громче звучала музыка, тем сильнее повышал голос Каос.
Дом получился очень длинный, но в нём был всего один этаж. Широкий коридор делил дом на две половины, и в каждой половине было по квартире. В одной квартире жил Каос, а в другой - Бьёрнар. По коридору Каос мог кататься на роликах, а Бьёрнар - на коляске, к которой был прикреплён электрический мотор. Вообще-то Каос ещё не умел кататься на роликах, а на коляске у Бьёрнара не было никакого мотора, но ведь это была только игра.
Из своей квартиры Бьёрнар мог в любое время приехать к Каосу в гости, но только если у него было хорошее настроение. Кому интересно играть с таким мрачным молчуном? Всё это Каос тихонько говорил самому себе, но Бьёрнар, должно быть, всё-таки услышал его, потому что коляска развернулась и медленно подъехала к длинному дому.
- А на крыше надо устроить аэродром, - вдруг сказал Бьёрнар. - Тогда мы сможем летать на вертолёте. Очень удобно - поднялся на крышу, сел в вертолёт и летишь, куда надо.
- Угу, - буркнул Каос.
- Куда же мы полетим? - спросил Бьёрнар.

- К моей тёте. Давай полетим к тёте Элсе!
- Это какая тётя Элса? У тебя слишком много тёть, я в них запутался.
- Тётя Элса - мамина сестра, она живёт вместе с бабушкой на берегу фьорда, мы летом ездим к ним в гости. А папина сестра живёт тут недалеко.
- У меня тоже есть тётя, только она живёт далеко отсюда, и мы редко видимся, - вздохнул Бьёрнар. - Ладно, летим к твоей тёте Элсе. Кто поведёт вертолёт, ты или я?

Каос по привычке уже хотел уступить Бьёрнару должность пилота, но вдруг передумал.

- Я поведу, - сказал он твердо, - ведь ты не знаешь, где живёт тётя Элса.
- Он опасался, как бы Бьёрнар не догадался, что Каосу его жалко. Пусть лучше думает, что Каос недобрый.

Теперь Бьёрнар стал уже таким, как всегда.

- А у твоей тёти есть лодка? - спросил он.
- Есть, с вёслами. Я летом научился грести. Самое трудное не табанить, когда заводишь вёсла назад.
- А что такое "табанить"? - спросил Бьёрнар.
- Табанить - значит тормозить, - объяснил Каос, очень довольный, что знает что-то неизвестное Бьёрнару.
- Я тоже умею грести, - сказал Бьёрнар. - Мы каждую пятницу гребём на физиотерапии.
- На физиотерапии не то, там нет воды, значит, и табанить нельзя. Вот если мы когда-нибудь поедем вместе к моей тёте, я тебе покажу, как надо правильно держать вёсла.
- Я и так знаю, - сказал Бьёрнар. - Но сейчас мы с тобой плывём не на лодке, а на лесовозе.

Каос притих - про такое судно он слышал первый раз и сам никогда бы не смог так уверенно произнести незнакомое слово. Тут уж лучше помалкивать.

- Или нет, - Бьёрнар уже увлёкся игрой, - мы с тобой плывём на пассажирском лайнере. На таких лайнерах пассажиры только загорают, плавают в бассейне, веселятся и едят всякие вкусные вещи.
- А мне больше нравится плавать на лодке, - робко заметил Каос. - Но если тебе так хочется, я согласен и на лайнер.
- Давай перечислим все суда, какие мы знаем, - предложил Бьёрнар.
- Баржа, - сказал Каос.
- Ялик!
- Глиссер!
- Каяк!
- Каноэ!
- Бриг!
- Лесовоз! Нет, это не считается. Его я уже называл.
- Яхта!
- Плавучая база! - сказал Бьёрнар. - Это такое судно, которое снабжает всем необходимым нефтяные платформы, которые стоят в море.
- Рыбацкая шхуна!
- Пиратский корабль!

- А игрушечный кораблик считается? - спросил Каос.
Он вспомнил кораблик, который сам сделал этим летом, заострив один конец дощечки. Папа помог Каосу вырезать в дощечке отверстие и вставить в него палочку - получилась мачта.
К носу кораблика он привязал бечёвку, и когда они с папой плыли на лодке, игрушечный кораблик весело скользил за ними, покачиваясь на мелких волнах. Каосу даже казалось, что он идёт быстрей, чем большая лодка.
- Подводные лодки, миноносцы, канонерки, авианосцы... - затараторил Бьёрнар. - Нет, это всё не то, я придумал, как мы будем играть.
- Как? - рассеянно спросил Каос, он всё ещё думал про свой кораблик, который так весело плыл за их лодкой.
- Знаешь, вечером я часто слушаю последние известия, - сказал Бьёрнар. - Эва думает, что я лежу и читаю, а на самом деле я слушаю последние известия, которые она смотрит по телевизору.
- По телевизору иногда показывают очень страшные фильмы, - сказал Каос.
- А разве тебе разрешают их смотреть? - удивился Бьёрнар.
- Нет, но ведь у меня в комнате слышно, как там кричат и стреляют!
- Да, они всё время палят. Днём-то не страшно, если хочешь, мы можем даже поиграть в бандитов. Эве тоже страшно смотреть эти фильмы, но она всё равно смотрит. Она говорит, что тогда можно не думать о том, что ещё хуже. О войне, о голодных детях, ну и вообще...
- Я несколько раз даже кричал от страха, - признался Каос. - Но когда мне смешно, я тоже кричу...
- Подожди, я чуть не забыл то, что хотел тебе рассказать!
- Что?
- Я слышал по радио, что придумали такую бомбу, которая может уничтожить сразу половину земного шара, - сказал Бьёрнар.
- Но ведь этого нельзя делать! - вокликнул Каос. - Нельзя уничтожать земной шар!
- Конечно, нельзя! Но они об этом не думают и сделали очень много таких бомб. Вот я и придумал: мы должны построить космический корабль и полететь в космос.
- А ты знаешь дорогу? - спросил Каос.
- Я много читал про космос и всё знаю, - сказал Бьёрнар. - Нам надо попасть за пределы нашей солнечной системы...
- Солнечной системы... - как зачарованный повторил Каос.
- Ну да! Солнечная система - это солнце, луна и планеты, которые вращаются вокруг солнца, - стал объяснять Бьёрнар. - Но кроме нашей солнечной системы, есть другие миры, и у каждого своё солнце, своя луна, свои планеты. И наверно, на них тоже кто-нибудь живёт.
- Конечно!
- Вот мы и попросим их помочь Земле. Может быть, на тех планетах уже научились жить без войны?
- Давай полетим туда, - сказал Каос. - А кто поведёт наш корабль?
- Мы вместе, и ты и я, - ответил Бьёрнар. - На космическом корабле много всяких приборов, он управляется автопилотом, нам нужно будет только следить,

чтобы всё было в порядке. Твой стул и моя коляска - это кабина корабля, кубики - приборы. Открой секретер - это будет пульт управления, тут есть ручка, которую можно поворачивать, и выдвижные ящички. Не хватает только каких-нибудь блестящих инструментов. Сбегай на кухню, посмотри, что там есть.
Эва чистила на кухне картошку.
- Можно мне посмотреть, что лежит у тебя в шкафу? - спросил Каос.
- А что тебе нужно?
- Что-нибудь блестящее. Для пульта управления. - Каос проговорил последние слова очень быстро, потому что не был уверен, что правильно их запомнил.
- Понятно. - Эва улыбнулась. - Я думаю, тебе нужно взять формочки для печенья, видишь, как они блестят. А ещё вот этот нож, шумовку и маленькую крышку. Подойдёт?
- Конечно! Спасибо!
Каос отнёс всё Бьёрнару, и тот остался доволен.
- Пульт готов. Теперь нам нужны скафандры, шлемы и ремни. Перед взлётом и посадкой всегда пристёгиваются ремнями.
- А где же мы их возьмём? - испугался Каос.
- Во-первых, принеси наши с мамой плащи, - распорядился Бьёрнар. - Я надену мамин, а ты - мой, они будут немного велики, но так надо. Потом принеси из ванной шапочки для купания и пояса от халатов.
Каос бегал туда и обратно. Он принёс всё, что просил Бьёрнар, и ничего не перепутал. Они надели плащи, шапочки, и Каос привязал Бьёрнара к коляске поясом от халата.
- Принеси-ка ещё два зеркала, пока ты не застегнул свой ремень, - попросил Бьёрнар. - Одно, с ручкой, лежит в шкафу в ванной, а другое - на столе в прихожей. Оно квадратное и без ручки. Они нам пригодятся.
Каос помчался за зеркалами.
- Ты заслужил зеркало с ручкой, - сказал ему Бьёрнар.
Эта похвала очень обрадовала Каоса. Мальчики положили зеркала на откинутую доску секретера. Внутри было много ящичков, в которых они разложили свои приборы. Когда всё было готово, Каос привязал к стулу и себя. Бьёрнар был привязан так крепко, что не мог шевельнуться, но говорить он мог.
- Приготовиться к старту! - скомандовал он. - Ты привязался, Каос?
Каос потуже затянул узел на поясе. Резиновая шапочка всё время сползала ему на глаза. Он очень волновался.
- Приготовиться к старту! - повторил Бьёрнар.

В космосе
- Можно, я буду считать по-английски? - спросил Бьёрнар. - Я занимаюсь английским, и мне надо упражняться. Если хочешь, я сперва посчитаю по-норвежски, только это будет не в счёт: десять, девять, восемь...
- А почему ты считаешь задом наперёд? - удивился Каос. - Так считают по-английски? По-норвежски считают - один, два, три... Я знаю.
- Перед стартом секунды считают всегда наоборот, ведь их остаётся всё меньше и меньше, а когда я скажу "зеро", что значит "нуль", ракета должна взлететь. Ну, слушай:ten, nine, eight, seven, six, five, four, three, two,

one, зеро!
При слове "зеро" Бьёрнар включил свой, приёмник на полную мощность и стал быстро крутить ручку настройки. Приёмник грохотал, как настоящая ракета. Потом Бьёрнар сбавил звук и нашёл станцию, передающую музыку.
- Это передают с базы, чтобы нам было приятно, - шепнул он.
- Они хотят, чтобы нам понравился космос, - сказал Каос, он уже вошёл в свою роль.
- Молчи, сейчас нельзя разговаривать, - остановил его Бьёрнар. - У нас большая перегрузка. При старте всегда бывает перегрузка.
- А что это такое? - не удержавшись, спросил Каос.
- Это значит, что космонавт испытывает тяжесть, как будто на нём сидит сразу несколько человек, - объяснил Бьёрнар. - Понимаешь?
Каос не понял и задумался. Бьёрнар тоже задумался. Некоторое время они молчали.
- Сейчас перегрузка пройдёт, - нарушил молчание Бьёрнар. - Первая ступень ракеты уже отцепилась. Скоро мы пройдём земную атмосферу.
- Атос...
- Атмосфера - это слой воздуха, окружающий землю, - объяснил Бьёрнар. - Давай, как будто наша ракета летит гораздо быстрее, чем ракеты, которые изобрели люди. Мы подлетаем к солнцу! Ой, мы забыли взять зонтики! Когда мы полетим мимо солнца, будет очень жарко. Придётся нам немного отклониться от курса. Ну вот, мы его уже пролетели. Теперь можно смотреть в иллюминатор, отстегнуть ремни и парить по кораблю.
- Я не могу отвязаться, - тихо сказал Каос.
- Я тоже, - признался Бьёрнар. - Тогда берём инструменты и как будто парим. - Бьёрнар схватил своё зеркало и посмотрел в него. - Ты тоже возьми зеркало. Смотри в зеркало на потолок, как будто ходишь по потолку вниз головой. И раскачивайся из стороны в сторону, как будто ты балансируешь.
В комнату неслышно вошла Эва. Ей захотелось посмотреть, во что играют мальчики. Увидев их, она громко ахнула: в комнате сидели два странных существа в купальных шапочках и плащах, крепко привязанные к стульям.
Не заметив Эвы, Бьёрнар сказал:
- Наш полёт продлится много лет. За это время Эва состарится и превратится в седую старушку. Она волнуется за нас, но понимает, что мы совершаем этот полёт ради неё же, ради всех людей на Земле. Мы должны спасти наш земной шар. Правда, Каос?
- Правда, - согласился Каос. - А мои папа с мамой тоже состарятся?
- Конечно. Когда мы вернёмся, твой папа будет ходить с палочкой. А сейчас перестань разговаривать и будь внимателен, мы уже достигли чужой галактики.
- Ты и про это читал? - удивился Ка-ос. - А я не знаю, что такое "галактика".
- Мне мама читала, и папа тоже. Мы с ним по воскресеньям всегда читаем что-нибудь интересное. А галактика - это звёздная система. У неё есть своё солнце, своя луна, свои звёзды и свои планеты. И там на одной из планет, понарошку конечно, живут живые существа, которые гораздо умнее людей. Они появились раньше людей и потому всё изобрели раньше. Они уже давно перестали

воевать, потому что научились, как сделать, чтобы еды и одежды хватало на всех. У них никто не имеет права завоёвывать чужие земли. К ним-то мы и должны обратиться за помощью. Ты мне скажи, если увидишь какой-нибудь космический корабль.
Каос посмотрел на лампу, висящую под потолком.
- По-моему, там летит круглый космический корабль, - сказал он.
- Ты прав! Это они! - воскликнул Бьёрнар. - Эй, стойте! - крикнул он и тут же спохватился: - Нет, это не считается, надо поздороваться как следует: "Здравствуйте!" или "Мы приветствуем вас!" - это более торжественно. Мы приветствуем вас! И от имени всех людей просим помочь Земле. Вы должны полететь с нами на Землю и забрать оттуда всё, что мешает нашей жизни! Включи приёмник, Каос, - как будто они нам отвечают.
Каос начал крутить приёмник, он очень волновался. Приёмник загремел на всю комнату.
- Они не знают нашего языка, а мы - их, но они нас поняли. Видишь, их корабль развернулся и взял курс на Землю. Только он летит гораздо быстрее нашего, потому что их техника развита лучше нашей. У них есть мощные магниты, с помощью этих магнитов они и увезут с Земли всё атомное оружие. Самолёты, поезда и вообще всё, что необходимо людям, они не тронут. Их магниты притянут всё, что отравляет землю, воздух и воду и убивает людей и растения. Они везут очень тяжёлый груз, но летят всё равно быстрее нас. Видишь?
- Да, - прошептал Каос. - Я вижу, что они уже летят обратно.
- Вот молодцы! - восхитился Бьёр нар. - А теперь держись, Каос, во время посадки очень трясёт. Иногда космические корабли падают в океан, но их вылавливают особые суда. Наверно, люди сейчас очень радуются, что избавились от атомного оружия! Ну, Каос, мы приземляемся, закрой глаза и не двигайся!.. Бах!..
Оба одновременно открыли глаза и оглядели комнату.
- Смотри, Эва пришла нас встречать! - воскликнул Бьёрнар.
- Это она так постарела? - с испугом спросил Каос.
- Да... она постарела... - Бьёрнар не мог опомниться от удивления.
Услышав разговор мальчиков, Эва вышла в прихожую, надела шаль и покрыла голову платком. И теперь она стояла втянув голову в плечи и действительно была похожа на старушку.
- Неужели прошло так много лет? - Бьёрнар не верил собственным глазам.
- Я думал, что мы только играем, что всё это "как будто", - прошептал Каос.
- Это и было "как будто", - успокоила его Эва, снимая платок и становясь прежней Эвой.
- Мы не можем отвязаться, - сказал Каос. - Я слишком крепко привязал нас.
- Это не беда, - сказала Эва. - Сейчас я вас развяжу. И думаю, вам лучше снять скафандры.
Каос и Бьёрнар с удовольствием разделись - сидеть так долго в плащах и особенно в купальных шапочках было жарко. Волосы у Каоса были мокрые и у Бьёрнара тоже.
- Вот вам полотенца, - сказала Эва, - вытрите волосы и немного остыньте.

Сейчас мы позавтракаем и пойдём в магазин.
- Вообще-то сперва нам надо показаться врачу, - серьёзно сказал Бьёрнар.
- У тебя что-нибудь болит? - испугалась Эва.
- Разве ты не знаешь, что космонавты всегда проходят медицинский осмотр, когда возвращаются из космоса? - спросил Бьёрнар. - Правда, мы ещё не вышли из корабля, так что ни для кого это не опасно.
Эва засмеялась и ушла на кухню. Они поели и, одевшись потеплее, отправились в магазин. Каос был рад, что вернулся на Землю. Перед уходом они, по обыкновению, составили список того, что должны купить. Список был у Бьёрнара, в магазине он читал его вслух, а Эва с Каосом доставали с полок нужные продукты. То, что лежало на нижних полках, Бьёрнар доставал сам, не вставая с коляски.
Постоянные покупатели знали Бьёрнара, но человек посторонний, увидев его в коляске, иногда спрашивал:
- Что с тобой, дружок, почему ты не ходишь?
Случалось, за Бьёрнара отвечала Эва, но чаще он говорил сам:
- Врождённое ущемление спинного мозга. - Он столько раз слышал эти слова, что давно выучил их наизусть.
Бьёрнар не любил эти вопросы, куда лучше, если с тобой обращаются, как со здоровым человеком. Такое тоже случалось. Однажды в магазин вошёл незнакомец и стал озираться по сторонам. Увидев Бьёрнара, он подошёл к нему.
- Я первый раз в этом магазине, а ты, наверное, знаешь, где тут стоит консервированный горошек. Выручи меня, скажи, где искать.
- Горошек стоит с задней стороны второй полки.
- Спасибо большое, - сказал незнакомец и ушёл за горошком.
Бьёрнар был очень доволен, и Эва с Каосом порадовались за него. Но сегодня ничего такого не произошло. Они купили всё, что им требовалось, и пошли домой, а по пути зашли на спортивную площадку поиграть в мяч, который Эва захватила с собой. Бьёрнар играл, сидя в коляске: он ловил мяч и бросал его Каосу, а Каос - Эве. Несколько мячей Каос проворонил, но Эва с Бьёрнаром тоже поймали не все мячи, так что ему было не обидно.
Дома Бьёрнар посмотрел на "пульт управления" и вдруг сказал:
- А ведь они ничего не знают про нас.
- Кто они? - удивился Каос. Об их полёте в космос он уже забыл.
- Инопланетяне, конечно, - ответил Бьёрнар. - Те, что живут в другой галактике. Им неизвестно, что нам грозит война и мы нуждаемся в их помощи.
- Хочешь, я крикну им об этом, когда пойду встречать папу? - предложил Каос. - Если только звёзды не будут закрыты облаками.
Бьёрнар покачал головой.
- Нет, мы сделаем по-другому. Давай нарисуем наш полёт. Потом ты поднимешься куда-нибудь повыше, например на вершину горы, и бросишь оттуда наш рисунок. Может, инопланетяне увидят его. У них есть всякие приборы, чтобы наблюдать, что делается на Земле. Вы поедете в эту субботу в горы?
- Наверно, поедем, - сказал Каос. - И я поднимусь на вершину Высокой, только с папой или с мамой. Один я боюсь.
- Это можно, - разрешил Бьёрнар. - Когда я вырасту и у меня будет коляска

с мотором, я сделаю из неё вертолёт и смогу сам подниматься на любые вершины.
И мальчики принялись рисовать. У Бьёрнара был большой альбом для рисования и много цветных карандашей. Они рисовали очень долго - сперва отдельно, а потом один большой общий рисунок. Каос изобразил на нём луну, звёзды и себя с Бьёрнаром, а Бьёрнар - их космический корабль и корабли инопланетян, которые прилетели, чтобы унести с Земли всё оружие.
- Ну вот, - сказал Бьёрнар, - мы сделали, что могли. Надеюсь, это поможет.
Он так устал, что прилёг отдохнуть, а Каос положил рисунок в большой пакет, который ему дала Эва, и стал ждать, когда за ним придут. Ждать ему пришлось недолго.
Сегодня за ним пришёл папа, у него был перерыв перед вечерним рейсом.
- До свидания, Каос! - сказала Эва. - Передай привет маме и спасибо тебе за сегодняшний день. Отдыхай, вы здорово потрудились сегодня.
По дороге домой Каос спросил у папы:
- А мы поедем в субботу в горы?
- Думаю, что поедем, - ответил папа. - Мама свободна, а у меня только один вечерний рейс. Надо съездить и отдохнуть. Поудим с тобой рыбу, побродим, а вечером посидим у камина.
- И будем рассматривать звёзды, и поднимемся на вершину Высокой. Хорошо, папа?
- А что тебе понадобилось на вершине? - удивился папа. - Разве ты забыл, как тяжело туда подниматься?
Папа с Каосом однажды уже поднимались на эту вершину, Каос тогда так устал, что обратно папе пришлось нести его на руках. Конечно, он удивился, когда Каос снова заговорил о вершине.
- Мне очень надо. - И Каос рассказал папе, как они с Бьёрнаром летали сегодня в космос, а дома показал ему рисунок.
- Ну что ж, по-моему, вы неплохо придумали, - сказал папа. - Я вам помогу.
- Это всё Бьёрнар придумал, - честно признался Каос. - Я только чуть-чуть.
К маминому приходу картошка у них уже была сварена. Мама разогрела рыбные тефтели, которые купила по дороге, а Каос тем временем вымыл салат. Мыть салат всегда поручали ему, он наловчился и мыл его очень чисто.
А после обеда Каос играл в прятки с детьми, которые жили на втором этаже Газетного дома, и так заигрался, что даже забыл об их с Бьёрнаром полёте в космос. Но папа не забыл об этом. Вернувшись из последнего рейса, он долго сидел и смотрел на рисунок. Каос с мамой уже давно спали. Они не знали, что папа поднялся в типографию, где работа кипела круглые сутки, и попросил разрешения снять фотокопию с рисунка. Ему было жаль, что рисунок пропадёт, когда Каос бросит его с вершины. Папа сделал несколько копий - себе, Эве и про запас. А вот зачем они ему понадобились, вы узнаете из следующей главы.

В горах

Наступила пятница. Каос любил пятницу, потому что она была непохожа на все остальные дни. Он, как обычно, утром приходил к Бьёрнару, но оставался у него только до полудня. В двенадцать часов Бьёрнар с Эвой уходили на тренировку, а потом готовились к приезду папы. Папа Бьёрнара работал в большом городе и

приезжал домой только на субботу и воскресенье. И конечно, Бьёрнар и Эва с нетерпением ждали его приезда.
В эту пятницу у папы Каоса был только один вечерний рейс, и потому они прежде всего занялись уборкой квартиры. А потом стали печь хлеб. Папа любил сам печь хлеб.
Он затевал с тестом игру: бил его кулаками, как боксёр своего противника, мял, и после этого хлеб у него получался высокий, вкусный, с хрустящей корочкой. Папа дал Каосу кусок теста, и Каос тоже испёк хлеб. У папы получились три большие буханки, а у Каоса - одна маленькая. Когда хлеб остыл, папа положил одну буханку в хлебницу, а две другие завернул в бумагу и сунул в рюкзак.
К маминому приходу обед уже стоял на столе. При виде накрытого стола мама засмеялась.
- Я понимаю, чего вам хочется! - сказала она. - Ладно, я еду с вами, хоть и устала.
И папа с Каосом очень обрадовались, потому что иногда мама говорила:
- Нет, поезжайте без меня, я слишком устала и хочу побыть дома.
Каос стал укладывать свой рюкзак. Он привык делать это самостоятельно. Он взял с собой свитер, носки, тёплую майку, резиновые сапоги, плащ, кое-какие игрушки и, конечно, маленькую буханочку, которую испёк сам.
Мама тоже уложила свой рюкзак. Незаметно от Каоса она спрятала туда торт, о котором он должен был узнать только в горах.
- Скорей, скорей, копуши! - торопил их папа. - Отправление через полчаса, а мне ещё надо заправиться.
- Иди без нас, - сказала мама. - Мы придём следом.
- Только не опаздывать! - предупредил их папа. - Задерживаться нельзя, меня ждёт много пассажиров.
- Мы никогда не опаздываем, - сказала мама.
Папа ушёл, а мама с Каосом проверили, чтобы в квартире всё было в порядке - конфорки погашены, утюг и свет выключены, окна закрыты. Теперь можно было идти. Они вышли и заперли за собой дверь. От прохладного воздуха у Каоса защекотало в носу. Мама встретила на улице знакомую и заговорилась с ней.
- Только на минутку, - сказала она Каосу, и он заволновался.
Сколько раз бывало, что, остановившись на минутку, взрослые вообще забывали о времени. А ведь папа предупредил их, чтобы они не опаздывали! Каос потянул маму за руку - никакого результата. Он потянул сильнее.
- Сейчас, сейчас, Каос, у нас ещё много времени! - отмахнулась мама, продолжая беседовать.
Но времени, очевидно, оставалось не так много, потому что потом им пришлось бежать бегом до самой станции.
- Мы опоздаем? - волновался Каос.
Увидев из зала ожидания, что голубой автобус стоит на месте, Каос перевёл дух. Они с мамой сразу сбавили шаг, не спеша подошли к автобусу и заняли свои места. Мама кивнула папе, словно это был не папа, а просто хороший знакомый.
Каос сидел у окна, а мама рядом. Простояв целый день за прилавком в аптеке, она теперь отдыхала.

Автобус заехал за пассажирами в городские гостиницы и вскоре оказался набитым битком. Ехать по городу в сумерках было ещё интересней, чем днём. Уличные фонари причудливо освещали дома, витрины и пешеходов. За окном промелькнула длинная Главная улица, площадь, водопад и Газетный дом, в котором жил Каос. Громыхнув на мосту, автобус выехал за город.
Теперь за окном мелькали поля и усадьбы. Автобус забирался всё выше и выше. Огни города остались далеко внизу. Вдруг стало совсем темно - автобус въехал в лес. Папа включил фары, и Каос увидел деревья. Те, что стояли в тени, казались чёрными и таинственными. Каос закрыл глаза, чтобы получше запомнить эту таинственную темноту. Потом он открыл глаза и стал смотреть на рты пассажиров. Получалось, как в немом кино: люди говорят, а что говорят - непонятно. Ведь это были иностранцы, приехавшие полюбоваться норвежскими горами. Все они держали в руках фотоаппараты, но фотографировать было слишком темно.
Наконец лес поредел. Высокие деревья сменились невысокими - они не тянулись вверх, а как бы стелились по земле. Это потому, что здесь всегда дул сильный ветер и деревья жались к земле, прячась от ветра и зимних буранов.
Автобус забрался уже очень высоко в горы. Каос ощущал это по приятному холодному запаху с примесью дыма. Осенью в горах всегда так пахло. Впереди показались дома, в одних окна были освещены, в других было темно. Автобус проехал ещё немного и остановился перед первой гостиницей на большой ярко освещённой площади. Папа понёс в гостиницу почту, а мама очнулась от сна.
- Кажется, я заснула, - сказала она, улыбаясь. - Ну, скоро мы уже увидим нашего Лилипутика.
Большая часть пассажиров вышла у первой гостиницы, несколько человек - у второй, а последние четыре человека - у туристской базы. Теперь в автобусе остались только папа, мама и Каос. Папа отвёл автобус на стоянку, где автобус всегда ночевал, и они тронулись в путь.
Сперва Каос ничего не видел, но потом его глаза привыкли к темноте, и оказалось, что вокруг не так уж и темно. Они шли гуськом по знакомой тропинке, каждый нёс свой рюкзак. Тропинка вела их то вверх, то вниз, то направо, то налево. Ноги их хорошо знали эту тропинку и ступали уверенно.
Наконец впереди показался домик, который принадлежал папе, маме и Каосу. Они ласково называли его Лилипутиком за то, что он был очень маленький. Рядом с Лилипутиком стоял маленький сарай для дров и такая же маленькая уборная.
Папа открыл дверь. Мама подошла к печке и чиркнула спичкой. Огонь весело побежал по щепкам и дровам, сложенным в печке ещё в прошлый раз. Кроме печки, они растопили и камин, потому что на улице было очень холодно. Когда огонь разгорелся, папа и мама открыли нараспашку все окна и двери и устроили сквозняк, а сами вышли на улицу. Каос всегда удивлялся, зачем они это делают, но мама объяснила, что так можно лучше всего проветрить дом и просушить отсыревшие стены.
Каос опёрся на папу, запрокинул голову и стал смотреть на звёздное небо.
Ему вспомнилось вчерашнее путешествие в космос, и он вдруг испугался:
- Я забыл дома рисунок!
- Не беспокойся, я его взял, - успокоил Каоса папа. - Он у меня в рюкзаке.

- А зачем вам здесь этот рисунок? - поинтересовалась мама.
- Завтра утром мы поднимемся на Высокую, и Каос бросит его оттуда. Так они договорились с Бьёрнаром.
- А я тоже должна идти с вами или мне можно поспать? - спросила мама.
- Спи себе на здоровье! - засмеялся папа. - Мы и не собирались тебя будить, потому что встанем очень рано. Ну, теперь, пожалуй, уже можно вернуться в дом.

В Лилипутике было тепло и уютно, они пили кофе, ели привезённый мамой торт и весь вечер играли в лото. Каос устал и даже обрадовался, когда ему велели лечь спать. Ему нужно было выспаться и набраться сил для предстоящего похода.

Папа проснулся первый, он растопил печку и приготовил завтрак.

Открыв глаза, Каос сразу вспомнил, куда они сегодня идут, но забыл, что мама с ними не пойдёт.

- Папа, я проснулся! - громко закричал он. - Мы скоро выходим?
- Т-с-с! - шикнул на него папа. - Ведь мы обещали не будить маму!

Каос испуганно оглянулся на маму - она не проснулась. Он на цыпочках подошёл к печке и стал одеваться.

- Надень два свитера,- посоветовал ему папа.
- Надень тёплую куртку с капюшоном, сегодня сильный ветер. И пожалуйста, берегите друг друга, - вдруг сказала мама, которая по утрам никогда с ними не разговаривала.

Повернувшись на другой бок, она снова заснула, а папа с Каосом сели завтракать. От волнения Каос не мог есть. С большим трудом он выпил стакан молока и съел кусок хлеба. А вот папа ел как ни в чём не бывало и даже намазал бутерброды, чтобы взять с собой. Кроме бутербродов, он взял два термоса - один с кофе для себя, другой с тёплым морсом для Каоса.

Ещё не рассвело, и небо было такое же тёмное и звёздное, как вечером. "Наверно, такое же небо видят и космонавты во время полёта", - подумал Каос.

Ночью был мороз, кусты и деревья стояли в инее, как будто играли в зиму, но Каос знал, что иней растает при первых же лучах солнца. Идти было легко, и Высокая казалась совсем близко, хотя на самом деле это было не так. Каосу не терпелось поскорей до неё добраться.

Папа шёл впереди, а когда Каос начал уставать, пропустил вперёд его. В конце концов Каос выбился из сил и папа устроил привал. Он знал, что им понадобится для такого привала, и вынул из рюкзака два коврика из пенопласта, чтобы постелить на камни.

Стояла тишина, её нарушал лишь тихий шорох ветра, который здоровался с горами, ущельями и птицами. Несмотря на осень, в горах было много птиц - Каос уже видел двух куропаток и одну ворону. Пока они отдыхали, он подобрал несколько красивых камешков и серебристых прутиков. Это были веточки можжевельника, посеревшие от дождя, солнца и ветра.

- Привал окончен, - сказал папа, вста-вая.

И опять они шли, и шли, и шли, и опять Каос устал, потому что тропинка была очень крутая.

- Ну, Каос, решай, сядем и поедим сейчас или уже на вершине? - спросил

папа и остановился.
Каос задумался. Ему было приятно, что решить должен он сам, но главное, пока они стояли, он отдыхал.
- Что-то я не слышу ответа, - заметил папа.
Каос помолчал ещё немного.
- Ну, как? - В голосе папы прозвучало нетерпение. - Почему ты молчишь?
- Сейчас, сейчас.
Он опять помолчал.
- Давай сперва поднимемся, - наконец сказал он.
Папа, конечно, разгадал его хитрость. Он медленно пошёл вперёд. Там, где идти было особенно трудно, он вёл Каоса за руку, а несколько раз даже нёс на спине.
На вершине из камней была сложена пирамида, её было видно издалека. Для того её и сложили так высоко.
- Подойдём поближе! - крикнул папа, стараясь перекричать ветер.
Каос был рад ветру: он подхватит его рисунок и понесёт далеко-далеко. Папа достал из рюкзака закатанный в трубочку лист бумаги. Каос снял резинку и подбросил рисунок как можно выше. Ветер тут же подхватил его. Вот бы сейчас его увидели из космоса! Но ветер вдруг ослабел или передумал, он выпустил рисунок, тот закружился, словно выбирая место, куда бы упасть, и наконец решительно опустился в ближнее озерцо.
- Ой! - вскрикнул Каос.
- Не беспокойся, сейчас я достану его, - сказал папа. - А ты присядь на корточки, чтобы тебя не сдуло ветром.
Каос присел на корточки за пирамидой и смотрел оттуда, как папа спускается к озеру - оно было совсем близко. Там папа палкой подтянул к себе рисунок, вернее, то, что от него осталось - бумага намокла и все линии расплылись. Теперь даже самые точные приборы инопланетян не разобрали бы, что тут нарисовано.
Каос растерялся.
- Не огорчайся, - сказал ему папа, - вчера, когда ты уже спал, я... - И папа что-то прошептал Каосу на ухо, хотя кроме них тут никого не было.
- Вот Бьёрнар обрадуется! - воскликнул Каос.
Они стали спускаться вниз и вскоре нашли под скалой защищённое от ветра место, там они удобно устроились, поели и отдохнули. А потом вернулись домой, в Лилипутик, и весь остаток дня Каос играл с детьми из соседних домов.
В воскресенье вечером папа взял рисунок и пошёл в редакцию газеты. Там он долго разговаривал с начальником - в редакции он называется главным редактором, - и тот сказал папе:
- Вообще-то в понедельник мы не даём детских материалов, но этот рисунок касается не только детей, но и взрослых. Думаю, мы поместим его в газете.
И рисунок Каоса и Бьёрнара напечатали в газете.
Этот рисунок видели все жители их маленького городка, да и не только они. В городских и горных гостиницах жило много иностранцев, и, кто знает, может, иностранные журналисты увидели этот рисунок и перепечатали его в своих газетах, выходящих в разных странах мира. А это значит, что рисунок Бьёрнара и

Каоса увидели люди всей Земли. И пусть он не попал в космос, гораздо важнее, что этот рисунок увидели люди, живущие на Земле.

Лилипутик

Каосу повезло, что он жил в Газетном доме. Кто знает, может, папа и не снял бы копию с его рисунка, если б они жили в другом доме. И тогда рисунок не попал бы в газету и люди не узнали бы о нём. К тому же возле Газетного дома был водопад, который так любил Каос. Это был как будто его собственный водопад, ведь они выросли вместе. Во всяком случае, так считал Каос. На самом деле водопад был гораздо старше Каоса, он существовал уже много веков. Но хоть водопад был старый, вода в нём была молодая. И Каосу никогда не надоедало смотреть на неё и слушать её шум.

Особенно интересно было стоять на мосту зимой. Водопад, правда, бывал меньше обычного, зато вокруг него висело множество причудливых сосулек. А пониже водопада, где вода уже успокаивалась и текла не спеша, лежал лёд, занесённый снегом, как будто кто-то укрыл реку периной. Кое-где на этой перине чернели страшные полыньи. Пробиваясь сквозь густой лес сосулек, водопад пел и звенел на разные голоса. Эта песня будила Каоса по утрам и убаюкивала его, когда он ложился спать. Неудивительно, что он был так привязан к своему водопаду и показывал его всем, кто приходил к ним в гости.

На рождество к Каосу, папе и маме обычно съезжались родственники. Мамина сестра и бабушка приезжали издалека и гостили недолго. А вот папина сестра с мужем, которые жили близко от города, на этот раз остались погостить до Нового года.

Особенно этому обрадовался Каос, потому что Бьёрнар с Эвой уехали на юг и ему не с кем было оставаться. Каос не знал, где находится этот юг, он знал только, что там очень тепло и что для Бьёрнара это будет полезно.

В тот день мама, как всегда, ушла в аптеку. Папа тоже ушёл, но перед уходом он заглянул в спальню и шепнул Каосу:

- Будь готов к двенадцати часам. Я зайду за тобой, и мы поедем выполнять ответственное задание. Оденься потеплее и приготовь лыжи.

Каос кивнул спросонья. В эти дни он просыпался с трудом, потому что засиживался по вечерам, беседуя с дядей и тётей. Тётя, папина старшая сестра, нянчила папу в детстве, и он любил её, как мать. Каос тоже любил тётю, а уж про дядю и говорить нечего - дядя был мастер на все руки и постоянно изобретал что-нибудь интересное, но главное - он так же, как и Каос, любил водопад. Когда дядя бывал в городе, они с Каосом подолгу стояли на мосту, любуясь бегущей водой.

Дядя и тётя вставали позже папы и мамы, чтобы не мешать им спокойно собраться на работу. Спали дядя и тётя в гостиной - тётя на тахте, а дядя на раскладушке. Ночью в квартире было две спальни, а днём, когда раскладушку убирали, гостиная снова превращалась в гостиную.

После ухода папы Каос снова задремал. Слушая сквозь дрёму шум водопада, он гадал, что за важное задание предстоит выполнить им с папой.

День обещал быть необычным. К тому же сразу после завтрака дядя с тётей начали что-то жарить и печь, хотя до обеда было ещё далеко.

- Это на вечер, - объяснила тётя ничего не понимавшему Каосу. - Вот приготовим и пойдём проведать знакомых, а ты с папой поедешь по делам.
Они помогли Каосу одеться к папиному приходу. Тётя проследила, чтобы он не забыл надеть тёплый свитер, варежки и шарф, а дядя связал лыжи и палки. Они знали, что времени у папы будет в обрез.
Папа пришёл без пяти двенадцать и очень обрадовался, застав Каоса одетым. Он тоже оделся потеплее, взял свои лыжи, и они с Каосом отправились в путь, а тётя с дядей остались в Газетном доме. Каждый сам нёс свои лыжи, и Каосу было трудно. Сперва он нёс лыжи на плече, как папа, но они всё время соскальзывали у него с плеча, и в конце концов Каос потащил их в руках, стараясь не задевать прохожих.
На автобусной станции голубой автобус ожидало множество пассажиров. Лыжи спрятали в багажное отделение. Каос занял место у окна, а папа начал продавать билеты. В автобусе было тепло и уютно, Каос расстегнул куртку и с любопытством смотрел по сторонам. Среди пассажиров было много знакомых, но незнакомых - всё-таки больше. Они-то главным образом и интересовали Каоса. Говорили они на непонятном языке, и вид у них был такой, будто они только что побывали в спортивном магазине, где скупили и нацепили на себя всё, что там нашлось. Правда, некоторые были одеты не по погоде: тонкие пальто, лёгкие туфли, шёлковые чулки. Они, наверно, не знали, что зимой в Норвегии бывает очень холодно. Придётся им из автобуса бежать прямо в гостиницу и сидеть все дни в помещении, не выходя на улицу.
Автобус был почти полон, а ему ещё предстояло заехать в три городские гостиницы, где его тоже ждали пассажиры. Наконец он был набит людьми до отказа, и Каос даже испугался, что автобусу не свезти такой груз. Но вот все расселись, и автобус легко покатил через город, который Каос знал так хорошо. Однако даже самые знакомые места из окон автобуса выглядели новыми и непривычными. Вот и Газетный дом! Папа немного сбавил ход. Каос посмотрел на свои окна. Там стояли тётя и дядя и махали ему полотенцем. Автобус почти остановился, погудел и покатил дальше.
Каос хорошо знал дорогу. Но и она сегодня показалась ему необычной: кругом лежал снег, на домах красовались пушистые белые шапки, поля спали под толстыми белыми одеялами, и люди ходили по белым дорогам. Вот двое детей катаются на санках. На них красные шапочки, как на гномах. А вот огромный пёс. На таких псов лучше смотреть из автобуса. Папа притормозил, и Каос успел как следует его рассмотреть. Пёс тоже взглянул на Каоса, но, видно, у него были свои дела, потому что он повёл носом и бросился к усадьбе, из ворот которой показалась лошадь, запряжённая в сани. На санях ехал какой-то человек. Пёс вилял хвостом и бежал впереди саней, словно показывая дорогу.
Хорошо иметь такую большую собаку! Если устанешь на прогулке, на неё можно опереться. Маленькую собачку тоже иметь неплохо, но на неё уже не обопрёшься...
Каос представил себе, что у него есть собака, большая-большая, она едет с ним в автобусе и сидит у его ног. Эта игра увлекла его. Он даже погладил свою воображаемую собаку. На самом деле он погладил сиденье, и никто не понял, что это собака. Для пассажиров она была невидимкой. Кончились поля и усадьбы,

автобус въехал в еловый лес. Ели замерли в нарядных белых одеждах, сквозь которые кое-где проглядывала зелёная хвоя. Если подойти к такой ели и тронуть ветку, на тебя хлынет белый дождь. На ели сидела белка, она угадала желание Каоса, перепрыгнула с ветки на ветку, и вниз посыпался белый дождь. Каос улыбнулся, погладил свою невидимую собаку и взглянул на папу. Папа подмигнул ему в зеркало. Но долго перемигиваться они не могли, папе нужно было следить за дорогой. Она вдруг стала такой узкой, что у Каоса замирало сердце всякий раз, когда попадался встречный автомобиль. Чтобы разъехаться, машины прижимались к самой обочине и всё равно казалось, что они непременно заденут друг друга. Но всё кончалось благополучно, и автобус как будто вздыхал с облегчением, а Каос, понимая, что его собаке тоже страшно, всё гладил и гладил её.

Деревья поредели, они были похожи на белых замёрзших троллей. Насколько хватало глаз, простирались заснежённые долины, над ними громоздились скалистые горы. Пассажиры с восхищением показывали друг другу вершины. Видно, норвежские горы нравились всем.

Сегодня папа сперва подъехал к небольшой гостинице, там вышло несколько человек. Все остальные вышли у главной гостиницы - дальше зимой дороги не было и автобусу приходилось ждать очередного рейса не на стоянке, а на площади перед гостиницей.

Каос надел лыжи и в ожидании папы сделал пробный круг. Иностранцы остановились на крыльце гостиницы и с удивлением смотрели на маленького мальчика, который так хорошо ходил на лыжах. Наверно, в их странах это не было принято.

Наконец папа освободился и пошёл впереди Каоса, прокладывая лыжню. Вот когда Каос понял, что идти вдвоём легче, чем одному. На подъёме папа шёл медленно, часто останавливался и поджидал Каоса. В это время он отдыхал, а потом ждал, чтобы отдохнул и Каос, и они шли дальше. Подъём закончился, и перед ними открылась вся долина. Они увидели Высокую. Её занесло снегом, и Каос представил себе, как холодно, должно быть, сейчас там, наверху, возле каменной пирамидки.

Теперь лыжня пошла вниз. Каосу пришлось внимательно следить за лыжами, и он больше не смотрел на Высокую. Откуда папа знает, куда надо идти, думал Каос, ведь под снегом не видно дороги? Домики, по которым они обычно ориентировались, превратились в одинаковые белые холмики, но папа уверенно вёл Каоса по белой целине. Впереди показался большой белый сугроб и два поменьше, и Каос понял, что это занесённый снегом Лилипутик.

Папа достал из рюкзака складную лопатку и начал разгребать снег перед сараем. Не зря он захватил с собой эту лопатку - без неё они не смогли бы добраться до сарая, где хранилась папина большая лопата и маленькая лопатка Каоса. Достав их, папа с Каосом принялись за дело и долго разгребали снег, большой сугроб, который намело перед дверью Лилипутика. Наконец папа смёл с крыльца остатки снега и с трудом открыл примёрзшую дверь. В лицо им дохнуло морозным воздухом. Казалось, что в доме ещё холоднее, чем на улице. Папа первым делом растопил печку, камин, открыл окно и распахнул дверь.

- Идём, Каос, - позвал он. - Пусть печка топится, а мы с тобой пока

поработаем.
Каос понял, что им надо расчистить дорожку к уборной. Эта дорожка была узкая, и они быстро справились с работой.
- Думаю, что уже можно вернуться в дом, - сказал папа.
Вот когда Каос был доволен, что их Лилипутик такой маленький, ведь маленький дом нагревается быстрее, чем большой. Папа закрыл окно, и они с Каосом сели завтракать.
- Жаль, что нам с тобой нельзя здесь остаться и приготовить всё к приезду наших, - вздохнул папа.
- Ты никак не можешь остаться?
- Нет, сегодня я работаю целый день, зато завтра свободен. Был бы ты постарше, я бы оставил тебя здесь одного. Через несколько лет мы так и будем делать.
Каос задумался. Когда папа был рядом, Каос ничего не боялся, будь то в Лилипутике или в любом другом месте. А вот без него? Каос представил себе, что папа уехал в город и он остался один. Чем бы он стал заниматься? Наверное, вынул бы из скамьи свои игрушки - кубики, деревянных зверюшек, камешки, гвозди, старые клещи - и стал играть. Занятие себе он бы, конечно, нашёл.
- Дождёмся, чтобы прогорели дрова в камине, и поедем, - сказал папа. - А печку можно оставить, это не опасно, трубу мы закрывать не будем. Зато к вечеру тут будет тепло.
Каос молча кивнул, он не ответил папе, потому что про себя уже играл, будто остался в Лилипутике один. Он сидит в доме и вдруг слышит за окном чьи-то шаги. Кто-то идёт сюда на лыжах. Вот шаги остановились, потом снова стали приближаться к Лилипутику. Сейчас постучат в дверь. Что делать? Притвориться, будто в доме никого нет? Можно, конечно, спрятаться в скамью к игрушкам или на верхнюю постель в спальне. Залезть там под перину и тихонько выглядывать оттуда, чтобы узнать, кто пришёл. Каос так увлёкся, что забыл о папе.
- Что с тобой, Каос? - удивился папа.
- Ничего! - Каос опомнился и обрадовался, что он всё-таки не один. - Ничего! - Он даже запрыгал от радости.
- Т-с-с! - Папа вдруг насторожился. - Что это?
- Где? - Каос вздрогнул.
- Кто-то идёт на лыжах!
Вот шаги остановились, послышались голоса, мужской и женский. В дверь постучали.
- Угадайте, кто к вам пришёл?
- Тётя! - воскликнул Каос, сразу узнав её голос.
- А ещё кто?
- Дядя? - уже не так уверенно сказал Каос.
Дверь распахнулась, и на пороге появились дядя и тётя с тяжёлыми рюкзаками за спиной. Лыжи они уже сняли и прислонили к стене.
- Мы приехали на попутном грузовике, - объяснил дядя. - Потому так рано.
- Вот кстати! - обрадовался папа. - Значит, Каос может остаться с вами. Останешься, Каос?

- Конечно, ведь теперь я буду не один.
Никто не понял, почему он так сказал, но спрашивать у него не стали.

Новый год
Каос достал из скамьи свои игрушки. Это была особая скамья - сиденье её поднималось, ночью оттуда выдвигался ящик и тогда скамья превращалась в кровать, а днём Каос хранил там свои игрушки. С помощью тёти он достал кубики, деревянных зверюшек, гвозди, шурупы и клещи. Тётя тоже достала из своего рюкзака всё, что было ей нужно: жаркое, соус в стеклянной банке, пакет с варёной картошкой, банки с горошком и брусникой. Она подбросила в печку дров и принялась разогревать обед, а для этого ей не требовалась помощь, и потому дядя уселся возле печки щепать лучину. Заодно он вырезал для Каоса деревянного петуха. Хвост петуха был похож на раскрытый веер, украшенный з-витушками. Отныне петух должен был жить вместе с другими зверюшками.
Дядя умел всё, и Каос очень любил его за это. Но больше всего он любил...
Вспомнив об этом, Каос подошёл к дяде и шепнул ему на ухо:
- А ты привёз ту штуку?
- Конечно, но с этим мы подождём до вечера.
Каос согласно кивнул. Только бы ему не захотелось вечером спать! В новогодний вечер папа с мамой непременно разрешат ему лечь попозже, но что толку от этого разрешения, если глаза у него начнут закрываться сами собой?
Дядя как будто угадал его мысли:
- Ну, Каос, как думаешь, что тебе сейчас следует сделать?
- Только в спальне я не лягу,- решительно сказал Каос.
И его можно понять - на его месте никто не ушёл бы из уютной гостиной в пустую спальню. Но дядя успокоил Каоса:
- А зачем тебе идти в спальню? Ложись тут на скамье. Лежи себе да смотри на огонь. И думай о чём-нибудь приятном. Припомни всё хорошее, что было в этом году. Помнишь, как мы встречали прошлый Новый год?
- Нет, - признался Каос. - Помню только, что мы тоже были здесь и смотрели на звёзды, но здесь мы на них всегда смотрим, не только в Новый год.
- Было такое, - согласился дядя. - Ну, а что ещё?
Тем временем он принёс одеяло и подушку. Каос закутался в одеяло, положил голову на подушку и взял в руки деревянного петуха.
- Я каждый день ходил к Эве и Бьёрнару, но сейчас они уехали на юг.
- И это было, - сказал дядя. - Вот если Бьёрнар там, на юге, сегодня вечером посмотрит на небо, он увидит те же самые звёзды.
- Сто звёзд, - сказал Каос.
- Тысячу!
- Миллион!
- Миллиард! - Дядя улыбнулся. - Сегодня морозно, значит, ночь будет ясная, звёздная.
- Мы будем смотреть на звёзды здесь, а Бьёрнар там, и я буду играть, как будто мы летим в космосе. Мы с Бьёрнаром уже играли в такую игру.
- А мне ты ничего не рассказывал про ваш полёт, - упрекнул Каоса дядя.
- Хочешь, я сейчас расскажу? Помнишь наш рисунок, тот, который напечатали

в газете? На нём был нарисован космический корабль с магнитом, и этот магнит притянул к себе всё оружие, какое есть на земле.
- Конечно, помню! Тяжёлый груз для космического корабля! Этот рисунок я вырезал и повесил дома над кроватью.
- Мы его нарисовали после нашего полёта, - сказал Каос. - Я был у Бьёрнара. Мы с ним сделали корабль из его секретера и коляски, а скафандрами были плащи и купальные шапочки.
- Прекрасно, - сказал дядя. - Ну, а что ещё интересного было в этом году?
- Ещё я болел корью. Я лежал в постели, и к нам приходила какая-то незнакомая тётя, потому что лежать один я не мог. А потом приехали вы с тётей, и она больше уже не приходила. И ещё мы летом гостили у бабушки. Мы там купались, я научился грести и немного плавать. Подпрыгну в воде и проплыву два метра.
На кухне что-то булькало, и оттуда доносился вкусный запах, потрескивали дрова в печке, жарко пылал камин, дядя напевал какую-то песенку. А Каос уже спал, положив голову на подушку и закутавшись в одеяло. И не удивительно, ведь он очень устал. Сперва он ехал в автобусе и играл, будто с ним рядом едет собака, потом шёл на лыжах по снежной целине и разгребал возле Лилипутика снег... и снова играл, будто остался в Лилипутике один... Хорошо, что он заснул, теперь он не будет вечером клевать носом и вместе со всеми встретит Новый год.
Каос спал два часа. Он проснулся, когда тётя сказала:
- По-моему, там кто-то ходит!
Он сел и огляделся. Из спальни вышел дядя. Он тоже, наверно, вздремнул - волосы у него были взъерошены, глаза - сонные.
Стол был уже накрыт. Каос спал так крепко, что даже не слышал, как тётя накрывала его. В дверях показалась раскрасневшаяся от мороза мама. Конечно, мама устала, но сегодня она не думала об усталости. Усталость как рукой сняло при виде празднично накрытого стола.
- Как красиво! - воскликнула мама. - И как хорошо приехать на всё готовое! Как будто мы - ваши гости, а не наоборот!
- Я люблю такие перемены, - сказала тётя. - Добро пожаловать в Лилипутик, гости дорогие!
- Мама, а я спал! - вмешался Каос. - Теперь я долго-долго не захочу спать!
- Молодчина! - похвалила его мама.
В доме было тепло и уютно. Мама переоделась, а потом пошла в спальню, разобрала постели и перевернула перины, чтобы они нагрелись. Папа с Каосом забыли перевернуть их, когда приехали в Лилипутик. Каос с мамой должны были спать на верхних кроватях, а тётя с дядей на нижних, папа же собирался сделать кровать из скамьи. Но до этого было ещё очень далеко.
- Прошу всех к столу! - торжественно объявила тётя.
Как красиво был накрыт праздничный стол! Всем сразу захотелось есть. Перед тарелками стояли рюмки, и в рюмку Каоса уже был налит его любимый черносмородиновый сок. Каос посмотрел сквозь сок на горевший камин, и сок заиграл красным огнём. Дядя поднял рюмку.
- Спасибо прошедшему году! - сказал он.

У взрослых завязался разговор. Постепенно он перешёл на разные страны и положение в мире. Каос с любопытством слушал, ему было странно, что взрослые никак не могут договориться друг с другом: папе нравилась одна страна, а дяде - другая, с одними странами, оказывается, можно поддерживать отношения, с другими - нельзя.
Тётя была на стороне папы, а мама горой стояла за дядю. Спор становился всё жарче и жарче. Каосу казалось, что каждый по-своему прав, но когда он понял, что они вот-вот поссорятся, он рассердился. Драться взрослые, конечно, не стали, просто сидели мрачные и злые только из-за того, что никак не могли решить, кто должен быть главным в мире. Жаль, что с ним рядом не было Бьёрнара. Они с Бьёрнаром тоже иногда ссорились, но тут же и мирились. Вдруг Каос вспомнил, что ему однажды сказал Бьёрнар.
- А Бьёрнар говорит, - начал он, но его никто не слушал: взрослые почти кричали, перебивая друг друга. - А мы с Бьёрнаром думаем, - Каос закричал во всё горло, - надо устроить так, чтобы никто никем не командовал, не захватывал чужие страны! И чтобы всем хватало еды!
Взрослые словно опомнились и с недоумением посмотрели друг на друга.
- Каос и Бьёрнар найдут выход из любого положения, - сказал папа. - Я в них верю, но им ещё надо вырасти.
- Кто виноват, что в последний день старого года в голову лезут всякие невесёлые мысли? - заметил дядя. - Одно несомненно: нам повезло, что в этот вечер мы с нашими близкими сидим в тепле и стол у нас ломится от всяких вкусных вещей. Тем более мы не должны забывать тех, кому живётся тяжелее, чем нам.
- Ты прав, - поддержала его тётя, и Каос с облегчением вздохнул, увидев, что она больше не сердится на дядю.
Выждав немного, он торжественно объявил:
- А теперь пора есть сладкое! - Он видел, как тётя взбивала крем и украшала его морошкой.
После сладкого взрослые согрели воды и дружно вымыли посуду, а потом сели пить кофе.
- Дядя, ну когда же? - Каос подошёл к дяде.
- Что - когда же? - удивилась мама.
- Дядя знает!
- А-а, я тоже знаю! - засмеялась мама. - Мы все этого ждём.
Дядя отставил чашку и вынул из кармана две деревянные трубочки. Но Каос знал, что это не простые трубочки, а флейта. Вставив одну трубочку в другую, дядя заиграл на флейте. Лилипутик замер, слушая прекрасную музыку. Её было слышно даже за его стенами. И если кто-нибудь поблизости вышел прогуляться в новогодний вечер, он тоже слышал, как дядя играет на флейте, и, наверно, тоже радовался и думал, что эта мелодия как бы сродни горам и зимнему лесу.
Трудно сказать, долго ли просидел Каос в этот вечер со взрослыми, во всяком случае, он с папой и дядей даже выходил полюбоваться звёздами.
Вернувшись домой, Каос удивился, увидев, что тётя снова греет воду - посуду они уже вымыли. Наверное, тётя греет воду, чтобы помыться самой, ведь в Лилипутике нет ни ванной, ни душа, подумал Каос. Но тётя мыться не собиралась.

Она взяла две бутылки и стала осторожно наполнять их горячей водой. Нальёт чуть-чуть воды, поболтает, чтобы бутылка согрелась, и наливает ещё. Когда бутылка была полная, тётя завинтила пробку и обернула бутылку полотенцем. Каос во все глаза следил за тётей - неужели она ночью будет пить эту воду?
Тётя отнесла бутылку в спальню и положила её под одеяло в ту постель, на которой должна была спать. Наполнив другую бутылку, она положила её в постель, предназначенную для дяди.
- Боишься замёрзнуть? - спросил папа у тёти.
- Боюсь, что тюфяки ещё не прогрелись, хоть ты и протопил здесь с утра.
- А зачем тебе бутылка с водой? - поинтересовался Каос.
- Положу на неё ноги, и мне будет тепло, - ответила тётя.- Главное, чтобы ноги были в тепле.
- И я хочу такую бутылку! - сказал Каос.
- Сделаем и тебе. - Тётя открыла кухонный шкафчик и нашла там подходящую бутылку.
Так же осторожно она наполнила её кипятком, обернула полотенцем и положила в постель Каоса.
- Не бойся, пробку я завинтила очень крепко.
Каос лежал в постели, грея ноги о тёплую бутылку, слушал, как дядя снова играет на флейте, и не заметил, когда уснул.
Утром Каос первым делом потрогал бутылку. Она была уже не горячая, но и не совсем холодная, примерно такая же, как он сам. Каос поглядел на маму. Она ещё спала, но дядя и тётя внизу уже проснулись. Одевшись, тётя вышла из спальни. Каос свесил голову и наблюдал за дядей. Тихонько, чтобы никого не разбудить, дядя надевал свитер. Каос подождал, чтобы дядя вынырнул из свитера, и помахал ему рукой. Дядя махнул ему в ответ и, прижав палец к губам, показал на маму. Это означало: "Тише, не разбуди!" Дядя знал, что мама любит утром поспать подольше, если не нужно идти на работу.
Папа тоже уже встал, но постель его ещё не была убрана. Тётя сложила одеяло и подушку в скамью и опустила сиденье, а папа тем временем затопил печку на кухне и сложил дрова в камине.
- С Новым годом, Каос! - сказал он. - Может, в этом году тебя уже следует звать Карл Оскар?
- Нет, мне больше нравится Каос. - К имени Карл Оскар он не привык.
- Как хочешь, - согласился папа. - Полным именем мы будем звать тебя, когда ты пойдёшь в школу, но до этого ещё далеко.
Весь день они катались на лыжах и радовались отдыху. Завтра утром им предстояло вернуться в город: маму ждало дежурство в аптеке, папу - голубой автобус, а тётю с дядей - их дом, который находился в тридцати километрах от города.
Вечером, уже дома, Каос спросил у мамы:
- Как ты думаешь, Бьёрнар вернулся с юга?
- Да, они вернулись сегодня. Завтра ты, как обычно, пойдёшь к ним.
Каос обрадовался, он стоял, прислушиваясь к грохоту водопада и шуму печатных станков.
- Ну вот, всё опять входит в свою колею, - сказала мама. - Каос, беги

скорей к окну!
Каос взглянул в окно и увидел голубой автобус, который возвращался уже из второго рейса. Автобус посмотрел на Газетный дом, исполнил свой автобусный танец и покатил дальше.
- В этом году он танцевал для нас первый раз, - сказала мама и улыбнулась.

Зима
Когда Каос с папой, мамой, дядей и тётей были в Лилипутике, стояла ясная морозная погода. Теперь она изменилась: стало пасмурно, пошёл снег. Он шёл и шёл не переставая, снегом занесло все улицы и тротуары, и по ним можно было ходить на лыжах. Снега не было только на Главной улице, потому что её чистили и днём и ночью.
По одной из улочек в верхней части города шли два лыжника, большой и маленький. Это были Каос и папа. А маленький голубой автобус стоял без дела на автобусной станции: теперь в первый рейс он уходил только в двенадцать часов, потому что в январе бывает мало пассажиров. Люди боятся, что в январе в горах слишком холодно, и ждут февраля. А там начнёт пригревать солнце, и можно будет не только покататься на лыжах, но и немного загореть.
Каос шёл к Бьёрнару и волновался: вдруг он не узнает Бьёрнара? Или Бьёрнар - его? Ведь они так давно не виделись! Эта мысль не давала ему покоя. Он шёл очень быстро, а папа - медленно, и получалось, что они идут с одинаковой скоростью. У папы ноги были длинные, а у Каоса - короткие, папа делал один шаг, а Каос - несколько, его ноги мелькали, как барабанные палочки. Он спешил и часто падал.
- Не торопись, у нас много времени, - сказал папа. - Сначала медленно скользни одной ногой, замри на секунду, а потом - другой. Тогда шаг у тебя получится длиннее. Вот попробуй.
- Получилось!
Каос прошёл немного, как его учил папа, но потом забыл, заторопился и снова растянулся на снегу. Лыжи у него запутались, и он не мог встать. Побарахтавшись в снегу, он затих и стал ждать папу. Но папа не спешил поднимать Каоса.
- А что бы ты делал, если бы меня здесь не было? - спросил он.
- Подождал бы кого-нибудь.
- А если бы никто не пришёл?
Каос посмотрел на свои переплетённые ноги и торчащие в разные стороны лыжи.
- Смотри сначала на одну ногу и на одну лыжу, - посоветовал папа. - Это не так сложно. Ведь у тебя всего две ноги и две лыжи.
- И две палки, - напомнил Каос, снова глядя на свои ноги.
- Чтобы встать, - продолжал папа, - надо перевернуться на спину и поднять ноги с лыжами вверх. Тогда ты сразу поймёшь, какая лыжа на какую ногу надета. Теперь потихоньку опускай ноги и поднимайся.
Каосу было чудно лежать на снегу, задрав ноги с лыжами. Мимо шла какая-то женщина.
- Помочь тебе? - предложила она. Каос покачал головой:

- Нет, я сам!
Наконец он разобрался в лыжах и встал.
- Молодец, теперь тебе сам чёрт не брат, - сказал папа и счистил с него снег - Каос был похож на снеговика.
- А разве раньше он был мне братом? - удивился Каос.
- Нет, конечно... - Папа засмеялся. - Так говорят, когда человек ничего не боится и может справиться с любым делом без посторонней помощи...
Они пошли дальше, сперва по ровному месту, а потом начался спуск. Каос немного присел и помчался вниз. В ушах у него свистел ветер, он нёсся всё быстрей и быстрей и не сумел повернуть там, где нужно.
- Осторожней, Каос! Остановись! - крикнул папа.
Впереди был перекрёсток, куда мог выскочить автомобиль. Каос не умел тормозить на полном ходу, как настоящие лыжники, поэтому он просто сел, и тормозом ему послужили собственные штаны.
- Ты меня напугал, - сказал папа, подходя к Каосу. - А что, если бы ты выехал прямо на перекрёсток?
- Нет, я знал, что надо остановиться! - ответил Каос. - Мама меня предупреждала, что перекрёстки опасны. И Эва предупреждала, и Бьёрнар, и ты. А я ехал очень быстро?
- Очень. Ты не умеешь тормозить лыжами?
- Нет. Это трудно, особенно когда едешь так быстро.
- Буду тебя учить, - сказал папа. - Это нетрудно, а уметь надо обязательно. Вот мы и пришли. Звони в дверь, по-моему, Эва и Бьёрнар уже смотрят на нас из-за занавески.
Каос снял лыжи, но папа лыж снимать не стал, ведь ему надо было идти на работу. Каос позвонил и тут же для верности постучал в дверь. Эва открыла ему. Она очень загорела.
- Здравствуй, Каос! - сказала она. - С Новым годом! Я рада, что ты снова пришёл к нам.
- Я не один, со мной папа, но он не снял лыжи.
- С Новым годом! - приветствовала Эва и папу. - Подожди, пожалуйста, - продолжала она, - я должна предупредить Каоса: мы с Бьёрнаром поссорились и поэтому у нас дома очень невесело. Даже не знаю, Каос, захочешь ли ты остаться.
- Захочу, -не очень уверенно сказал Каос.
Он так радовался, что Бьёрнар вернулся домой и они снова будут вместе играть! У Каоса стало тяжело на душе.
- Из-за чего же вы поссорились? - спросил папа.
- Ты лучше зайди и рассуди нас, - предложила Эва. - Может, все вместе мы найдём выход из этого положения.
Пришлось папе всё-таки снять лыжи. Он счистил с них снег и поставил возле двери. Теперь там стояли две пары лыж - большие и маленькие - и две пары палок.
- Здравствуй, Бьёрнар! - сказал папа, входя в комнату. - С Новым годом! Ты загорел совсем как летом!
Бьёрнар и правда так загорел, что Каос не сразу узнал его.

- Так что же у вас случилось? - снова спросил папа.
- Я не хочу, чтобы из меня делали сопливого младенца! - сердито сказал Бьёрнар.
- Из тебя? Младенца? - Папа был удивлён. - Из тебя младенца уже не сделаешь, вон ты какой большой, без пяти минут школьник, умеешь читать и знаешь больше, чем другой взрослый. С чего ты взял, что из тебя делают младенца?
- С того, что Эва хочет запихнуть меня в меховой мешок! - с обидой крикнул Бьёрнар.
- Ну, Эва, теперь твоя очередь. Объясни и ты, что происходит, а мы с Каосом решим, кто из вас прав.
- Да понимаешь, Бьёрнару надо выходить на свежий воздух, даже зимой в мороз. Ну съездили мы на юг, но ведь этого мало. Живём-то мы в Норвегии, зимой у нас вон какие морозы. Как прикажешь вывозить Бьёрнара на прогулку?
- Можно подумать, что я не катаюсь на санках! Каос и Эва знают, как я езжу, отталкиваясь палками!
- Ездить-то ты ездишь, но ведь ноги у тебя всё равно замерзают, и нам приходится возвращаться домой, - грустно сказала Эва.
- Да, да, да! - Бьёрнар сердито посмотрел на Эву. - Эва хочет придумать для меня сани, вроде финских, чтобы я мог ездить, сидя в меховом мешке! А я не хочу!
- Успокойся, пожалуйста, из-за чего мы спорим? Саней таких у нас нет, и, как их сделать, я тоже не знаю. Да и что нам это даст? В горах ещё можно на них кататься, а что делать, когда нужно сходить в магазин? Ума не приложу. Вчера вечером, например, мы поехали в магазин, так только намучились. Коляску не сдвинешь с места, колёса так и вязнут в снегу. Я совершенно выбилась из сил. А Бьёрнару всё равно плохо: когда мы вернулись, ноги у него были как ледышки. - Эва была по-настоящему расстроена. - На юге было так хорошо, а тут опять... Лучше бы мы никуда не ездили, жили бы, как жили...
На глазах у неё показались слёзы.
- Ну что ты, Эва! Не расстраивайся, что-нибудь придумаем! - сказал Бьёрнар.
Папа повернулся к Каосу:
- Да, надо что-то придумать. Ты, Бьёрнар, тоже думай. Не хочешь сидеть в меховом мешке - твоё дело, но всё-таки одевайся потеплее. Попробуйте сегодня с Каосом нарисовать сани для Бьёрнара. Я тоже подумаю над этим, мне надо кое с кем посоветоваться.
- Я знаю, с дядей! - воскликнул Каос. - Уж он-то обязательно что-нибудь придумает!
- Правильно! Дядя у нас мастер, у него есть всякие инструменты и даже своя кузница. Все вместе мы найдём выход из этого положения. Не грусти, Бьёрнар!
Бьёрнар улыбнулся первый раз за это утро.
- Значит, договорились! А сейчас я бегу! - сказал папа и действительно побежал, потому что уже опаздывал.
Эва, Бьёрнар и Каос смотрели в окно, как он у крыльца надевает лыжи: одна, вторая, палки в руках - и вот уже папа поднимается вверх по улице.

Почувствовав, что на него смотрят, папа обернулся и махнул рукой. В это время лыжи у него скользнули назад, и папа упал. Каос уже хотел бежать ему на помощь, но вспомнил, что папа умеет вставать без посторонней помощи. Он поднял ноги с лыжами вверх, длинные лыжи покачались в воздухе и медленно опустились на землю - папа снова был на ногах. Он отряхнул с себя снег и быстро пошёл в гору.
- Твой папа поедет сегодня на автобусе? - спросил Бьёрнар.
- Да, у него рейс в двенадцать часов, - ответил Каос.
- А мой папа работает в большом городе, - вздохнул Бьёрнар. - Лучше бы он тоже водил здесь автобусы.
- Разве он там водит автобусы?
- Нет, он работает на вычислительной машине. - Бьёрнар развернул коляску и поехал в свою комнату. - Иди сюда! - позвал он Каоса.
Каос давно ждал этого приглашения, он соскучился по комнате Бьёрнара. Уж там-то они обязательно займутся чем-нибудь интересным!
- Сейчас мы рисовать не будем, отложим это на вечер, - решил Бьёрнар.
- Мне всегда разрешают немного порисовать в кровати, - сказал Каос. - А тебе?
- Мне тоже. Я кладу за спину много подушек и беру доску для рисования. Завтра мы сравним наши рисунки. Только сейчас не говори, что ты нарисуешь, так интересней. А теперь угадай, чем сегодня будет моя коляска?
Каос заулыбался - начиналось самое интересное.
- Только не космический корабль, да? - неуверенно сказал он.
- Нет, сегодня мы не полетим в космос.
- Вертолёт?
- Нет. Спускайся ниже.
- Гоночный автомобиль? Или, может, грузовик?
- Нет, ещё ниже.
Каос представил себе разрытую землю.
- Экскаватор? - Он был почти уверен, что угадал.
- Нет. Придётся тебе помочь. Предположим, ты стоишь на пристани...
- Ага, какое-нибудь судно? - Каос улыбнулся. - Моторка? Шхуна? Баржа?
- Судно-то судно, только какое? Спустись ещё ниже!
- Под воду? Значит, подводная лодка?
- Правильно, - сказал Бьёрнар. - Только не военная. У нас будет мирная лодка, которая изучает тайны моря. Через иллюминатор с толстым стеклом мы будем наблюдать за жизнью под водой. Это безопасно.
- Мы увидим всяких рыб и растения! Ведь на дне моря растут растения!
- Да, растут, и ползают крабы и омары. Но мы с тобой будем изучать крупных обитателей моря.
- Больших рыб? - обрадовался Каос. - Летом мой папа поймал большую-пребольшую треску, а бабушка сказала, что надо ловить маленькую, она вкуснее.
- Нет, за треской мы наблюдать не будем, нам нужны более крупные обитатели моря, - сказал Бьёрнар. - Скажи, например, ты знаешь, кто такие морские зайцы?
- Нет, не знаю, - честно признался Каос. - Я знаю только обыкновенных

зайцев и морскую капусту, а про морских зайцев слышу первый раз. Какие они и где живут?
- Раз они морские, значит, живут в море, это ясно. Морской заяц - это вид тюленя, он водится по всему норвежскому побережью. Я читал о них в энциклопедии. - Бьёрнар показал рукой на полку, на которой стояло много толстых красивых книг. Бьёрнар очень любил книги и узнавал из них всё, что ему было интересно. - А теперь угадай, что это такое? - сказал он, подъехал к секретеру и включил магнитофон.
Каос удивился: зачем им музыка, если они решили заняться исследованием морских тайн? Однако вместо музыки из магнитофона полились какие-то странные звуки.
- На что это похоже? - спросил Бьёрнар.
- Похоже, будто один слон зовёт другого, - сказал Каос.
- Правильно, похоже, но всё-таки это не слон. Сдаёшься?
- Сдаюсь!
- Это киты! - торжественно объявил Бьёрнар. - Ты знал, например, что киты под водой разговаривают друг с другом? Они слышат друг друга на огромном расстоянии. Время от времени они выплывают на поверхность, чтобы набрать воздуха, но вообще-то могут находиться под водой очень долго. Детёныши всегда плавают с матерью, им разрешают плавать самостоятельно, только когда они вырастут. А теперь сходи на кухню, там в мусорном ведре лежит пластмассовая бутылка. Эва выбросила сегодня утром. Принеси её, пожалуйста. И ещё найди там верёвку или шнурок. Хорошо бы взять для тебя купальную шапочку, но её ты надевал, когда был космонавтом, а повторяться неинтересно. Ладно, обойдёмся маской. У меня есть чёрная маска, которую Эва купила для карнавала.
Половину того, что сказал Бьёрнар, Каос не понял, но побежал на кухню и застал там Эву. Это было кстати, без неё он не нашёл бы верёвку. Потом он спросил про бутылку. Эва достала бутылку из мусорного ведра, вытерла её и дала Каосу.
- Как я рада, что ты снова у нас! - сказала она, обнимая его.
- Я тоже рад!
Но поговорить с Эвой ему было некогда, он спешил играть в новую игру.
- Значит, так: бутылка - это как будто баллон с кислородом. Когда ты будешь нырять, мы привяжем её тебе на спину. Если тебе понадобится что-нибудь сообщить мне, дёргай за верёвку. Сейчас нырять ещё рано, мы должны отплыть подальше от берега, а для этого надо сначала построить нашу подводную лодку, иначе тебе негде будет сидеть. Иди опять на кухню и принеси две табуретки. Я мог бы и сам это сделать, но у меня есть другие дела.
Каос снова побежал на кухню, но Эвы там уже не было. Он заглянул в гостиную. Эва играла на пианино, пальцы её быстро-быстро бегали по клавишам. Каос загляделся на них. Когда Эва перестала играть, он кашлянул и пошаркал ногой.
- Что ты хочешь? - спросила Эва, повернувшись к нему.
- Можно мне взять две табуретки? Мы строим подводную лодку!
- Тебе интересно?
- Очень!

Но смотреть, как Эва играет, тоже было интересно, и Каос чуть не забыл про табуретки. Наконец он спохватился и бросился выполнять поручение Бьёрнара.

Берегись человека!
Как только Каос принёс табуретки, Бьёрнар сказал:
- А теперь переверни их вверх ножками. Помнишь, как твой папа поднял ноги с лыжами, чтобы встать?
- Помню! - Каос сразу сообразил, что придумал Бьёрнар. - Я их поставлю за твоей коляской, а на перекладину положу подушку, чтобы мягче было сидеть.
- Устраивайся поудобней, нам предстоит долгое путешествие.
- А нырять - это опасно? - Каос немного встревожился.
- Нет, но осторожность не мешает, - серьёзно ответил Бьёрнар. - Остерегайся акул. Цель нашего путешествия - изучение китов и тюленей. Может быть, акулы там и не водятся, всё-таки это Антарктика. Или тебе больше хочется поехать в Арктику?
- А где это? Я не знаю, - признался Каос.
- Арктика там, где Северный полюс, а Антарктика - где Южный.
- Давай поедем, куда ближе!
- Тогда - в Арктику, она ближе, но тоже не рядом. Для такого путешествия нужно запастись провиантом. Провиант - это еда, которую берут в дорогу. Пожалуйста, сбегай снова на кухню. Это уже в последний раз.
- Бегу! - Каос обрадовался, что сейчас опять увидит Эву, ему захотелось попрощаться с ней перед таким долгим и опасным путешествием.
Эва и без него догадалась, что мальчикам захочется есть, и приготовила бутерброды, а в стеклянной банке уже стояли морковные палочки.
- Я пришёл за провиантной едой, - сообщил он. - Нам надо взять её с собой в путешествие.
- Понимаю, - сказала Эва. - Вы поплывёте на подводной лодке, да? Тогда лучше положить бутерброды и морковь в металлическую коробку из-под печенья, чтобы они не отсырели. А кроме того, вам надо взять по бутылке молока. - Она достала две бутылки и наполнила их молоком.
- А мы в Лилипутике делали из таких бутылок грелки, - сказал Каос.
- Да, эти бутылки очень удобные. Я их храню, всегда для чего-нибудь пригодятся.
Провианта набралось столько, что Каосу было не унести его за один раз.
- Пока наша лодка погружаться не будет, вдоль берегов Норвегии мы пойдём на поверхности, чтобы не пропустить тюленей, - сказал Бьёрнар. - Сейчас мы с тобой в большом городе, где работает мой папа. Там есть гавань, оттуда мы и отправимся в путь. Мы не можем начинать путешествие в нашем городе, ведь у нас нет моря.
- Можем! - Каосу хотелось показать, что он тоже кое-что знает. - Наш водопад впадает в озеро, из озера вытекает река, а все реки рано или поздно впадают в море. Мне папа и мама говорили.
- Значит, поплывём отсюда. - Сегодня Бьёрнар был на диво покладистый. - Так даже лучше. Наша подводная лодка как будто спрятана под мостом у Газетного дома. Сейчас ночь, наше путешествие и время отъезда хранятся в тайне.

- Папе с мамой тоже не говорить об этом? - шёпотом спросил Каос.
- Ни одной душе!
- Но ведь Эве мы сказали?
- Да, но она не знает ни цели нашего путешествия, ни времени отплытия. Так лучше, не будут за нас волноваться. А вот о своём возвращении мы им сообщим.
Каосу было немного не по себе оттого, что подводная лодка спрятана под мостом возле его дома. Но что поделаешь, он сам предложил, чтобы их экспедиция началась тут же, в городе.
- Как ты думаешь, наша лодка выдержит, когда будет проходить через водопад? - осторожно спросил он.
- Она всё выдержит, - успокоил его Бьёрнар. - Но мы можем начать своё путешествие на озере, поплывём подо льдом.
- Ладно, - согласился Каос, он уже перенёс на борт весь провиант, и ему оставалось только убрать трап.
- Будем говорить шёпотом, - предупредил его Бьёрнар. - Все на борту?
- Все.
- Задраить люки! - отдал приказ Бьёрнар. - Кажется, так надо говорить. Подожди, Каос! Мы забыли про перископ! Принеси из передней Эвин зонтик, у него подходящая ручка. Подводная лодка не может быть без перископа.
Каосу пришлось ещё раз выйти из лодки и принести зонтик. Наконец всё было готово.
- В лодке темно, - проговорил Бьёрнар, он любил таинственность. - Мы плывём по реке подо льдом.
- Нам обязательно всё время плыть подо льдом? - спросил Каос - ему хотелось, чтобы они время от времени всплывали на поверхность. - Сейчас мы плывём очень быстро, потому что нам помогает течение, - продолжал он. - В озере мы не сможем плыть с такой скоростью.
- А мы пустим мотор на все обороты, - сказал Бьёрнар. - Вот мы и в озере. Тут уже не страшно, если нас обнаружат. А теперь мы как будто уже в море и плывём вдоль берега. Только помни, мы должны держаться в пределах двенадцатимильной зоны, иначе нашу лодку сочтут вражеской.
- У самого берега разрешается плавать только своим лодкам, да? - удивлённо спросил Каос.
- Да. Но у нас не военная подводная лодка, а научная. Мы изучаем жизнь моря в мирных целях. Если нам встретится чужая подводная лодка, мы пройдём мимо, не вступая с ней в переговоры.
- Правильно, не будем с ними разговаривать!
- Наша лодка идёт на большой глубине! - объявил Бьёрнар. - Киты тоже могут ходить на такой глубине, но им приходится всплывать на поверхность, чтобы набрать воздуха.
- Разве киты ходят? - удивился Каос.
- Нет, я оговорился, они плавают, - сказал Бьёрнар. - Мы развили огромную скорость и уже достигли Северного полюса. Здесь мы пробудем долго, потому что нам надо многое исследовать. Сейчас мы поднялись на поверхность и наблюдаем за белым медведем. Мы подошли к нему совсем близко. Вот он положил лапу на иллюминатор, но ты не бойся, наша лодка очень прочная. Постарайся получше

рассмотреть его лапу. До сих пор никто не видел снизу ступню белого медведя, мы с тобой первые. А теперь давай наблюдать за моржами и тюленями.
- За морскими зайцами, да? - Каосу очень понравилось это название.
- Нет, морских зайцев здесь нет. Они водятся на побережье Норвегии, а мы сейчас в Арктике. Тут живут совсем другие тюлени. Знаешь, сколько всего есть видов тюленей?
- Нет.
- Тридцать два! И все они тюлени! Когда-то рыбаки считали, что, если тюлень плывёт перед шхуной, улова не жди, а если сзади, улов будет очень большой. С тюленями связано много поверий об утопленниках, о морских привидениях. Морское привидение - всё равно что морской тролль. Мне даже жаль, что их на самом деле не существует.
- А откуда ты знаешь, что есть тридцать два вида тюленя? - недоверчиво спросил Каос.
- Только вчера прочёл в энциклопедии, - гордо ответил Бьёрнар. - Готовься к выходу из лодки, Каос!
- А в море очень холодно? - поинтересовался Каос. - Ты сам говорил, что тут Ледовитый океан, белые медведи и лёд.
- В водолазном костюме тебе не будет холодно, ты даже не заметишь, что кругом лёд. А когда захочешь, чтобы я поднял тебя на борт, дёрни за канат.
- У меня нет каната, у меня шнур, - поправил его Каос.
- Ну, дёрнешь за шнур.
К спине Каоса была привязана пластмассовая бутылка, на лицо надета маска, в руках он держал шнур, обвязанный также вокруг груди. Он лёг на пол и сделал вид, что плывёт.
Бьёрнар включил магнитофон, и снова раздались странные звуки.
- Киты! - воскликнул Каос. - Скорей поднимай меня из воды! - И он задёргал шнурок.
- Киты не опасны, - успокоил его Бьёрнар. - Но они, наверно, думают, что ты опасен для них, всё-таки ты - человек!
- Я не опасный, ты же знаешь! Пусть не боятся, я только посмотрю на них. Нет. Бьёрнар, всё равно вытащи меня обратно в лодку, я боюсь! Они такие большие! Сколько в них метров?
- Сто или около того,- ответил Бьёрнар. - Точно не помню. А сейчас я очень занят и не могу больше с тобой разговаривать!
Он стал что-то писать и рисовать на картоне.
- Покажи это китам, - сказал он наконец. - Каждому киту, которого ты увидишь.
- А что тут написано? - спросил Каос, хотя он находился глубоко под водой и Бьёрнар не мог его услышать.
- Тут написано: "Берегись человека!" - сказал Бьёрнар. - Человек - главный враг китов. А ещё они должны остерегаться судов, потому что на них плавают люди. Суда выпускают в море нефть и загрязняют воду, а шум моторов мешает китам переговариваться друг с другом.
- Интересно, о чём они разговаривают? - спросил Каос.
- Обо всём, что придёт в голову, - ответил Бьёрнар. - У китов очень

большой мозг, гораздо больше, чем у человека, а мысли рождаются в мозгу. У китов должно рождаться очень много мыслей.
- Бьёрнар, киты уже давно прочли всё, что ты им написал. Подними меня наверх!
- Подплыви к лодке и через люк войди внутрь, - сказал Бьёрнар.
Каос залез в лодку и с удовольствием снял с себя маску, потому что в маске он плохо видел и ему было жарко.
- Ну-ка, что у нас там за провиант? - спросил Бьёрнар. - Пора за него приняться!
- Бабушка говорит, что от морского воздуха очень хочется есть, - сказал Каос.
- Она права! - Бьёрнар засмеялся. - А когда мы поплывём в Антарктиду, сегодня или в другой день?
- Лучше в другой день, - попросил Каос. - Сегодня мне больше не хочется нырять.
И в самом деле, путешествие их затянулось. Эва давно перестала играть, и, когда мальчики поели, она предложила им пойти погулять.
- Дорогу расчистили, мы легко проедем до Главной улицы и там погуляем, а заодно и купим продукты, - сказала она.
- Если у тебя хватит денег, купи мне, пожалуйста, и новый альбом для рисования, - попросил Бьёрнар.
- Конечно, - пообещала Эва. - Но сегодня восемь градусов мороза, боюсь, как бы ты не замёрз. Мы с тобой отвыкли от морозов, на юге было жарко. Может, всё-таки согласишься на меховой мешок?
- Ни за что! - категорически отказался Бьёрнар. - Он доходит мне до подмышек, я в нём совсем как маленький.
- А я знаю, что надо сделать, - вдруг вмешался Каос. - В мешке Бьёрнар может гулять вечером, когда его никто не видит, а сейчас...
Каос выбежал в прихожую и принёс пару больших сапог.
- Это папины сапоги, - сказал Бьёрнар. - Они мне велики.
- Вот и хорошо, - сказал Каос. - Надо сделать так, как делала тётя в Лилипутике. Сначала мы согреем воды...
- Зачем её греть? У нас ведь идёт горячая вода, - сказала Эва.
- Потом сполоснём их тёплой водой, чтобы они согрелись, - продолжал Каос.
- Кто, сапоги? - Эва ничего не понимала.
- Не сапоги, а бутылки! Которые мы брали с молоком в путешествие на подводной лодке!
- Их лучше вымыть холодной водой, они будут чище, - сказала Эва.
- А их не надо мыть! Их надо только немного согреть, чтобы они не лопнули. Потом надо налить в них горячей воды, завернуть покрепче пробки, обернуть бутылки полотенцем или сунуть в шерстяные носки и положить в сапоги. Бьёрнар наденет сапоги, и ему будет тепло, а все будут думать, что у него просто большие ноги. И никто не примет его за маленького!
Бьёрнар с удивлением слушал Каоса, и по лицу у него расплывалась улыбка.
Под руководством Каоса Эва налила в бутылки горячую воду и засунула их в сапоги. Наконец Бьёрнар сел в коляску и надел сапоги.

- Как тепло! - сказал он с восхищением.
Эва с Каосом быстро оделись, и все трое вышли на улицу. Снега на тротуаре не было, зато было очень скользко, и Эва с Каосом крепко держались за коляску. Бьёрнар по обыкновению смотрел по сторонам, ему было тепло, и ноги у него больше не мёрзли.
Они долго гуляли, купили продукты и альбомы для рисования Каосу и Бьёрнару.
После обеда за Каосом пришла мама.
- С Новым годом! - приветствовала она Бьёрнара и Эву. - Как хорошо, что вы уже дома, мы без вас соскучились! Ты загорел, Бьёрнар! Купался?
- Каждый день, - ответил Бьёрнар. - Воду в бассейне подогревали, и я на коляске мог доехать до самой воды. Папа тоже купался со мной в бассейне, он любит тёплую воду. Каос, не забудь!
- Чего? - спросил Каос. - Нашего путешествия?
- Не только. Вспомни, что ты должен нарисовать сегодня вечером?
- Нарисую, и ты тоже нарисуй! - сказал Каос.
В этот вечер рисовали все. Каос быстро лёг и рисовал в постели. Бьёрнар тоже рисовал, сидя в постели. И Эва рисовала в гостиной. И папа с мамой немного порисовали.
Но самое главное, что в тридцати километрах от города дядя сидел у себя дома перед листом бумаги и задумчиво грыз карандаш. И все они старались придумать, как сделать, чтобы коляску Бьёрнара было легко возить по снегу.

Что-то вроде домкрата

В эту пятницу Каос не пошёл к Бьёрнару. И не пошёл с мамой в аптеку. И не поехал в горы с папой на его голубом автобусе. Он ехал в другом автобусе и в другую сторону. Автобус, в котором Каос сидел на переднем сиденье сразу за спиной у шофёра, спускался вниз, в долину.
Каос ехал один, без папы и мамы, но ему не было страшно: шофёр автобуса работал вместе с папой, и Каос хорошо знал его. А шофёр знал, куда едет Каос, потому что Каос ехал с этим автобусом уже не первый раз.
В то утро Каос направлялся к тёте и дяде, жившим в тридцати километрах от города. Он не заметил, как прошло время, заглядевшись на шофёра, который то крутил руль, то переключал передачи. Здесь всё было больше и интересней, чем на папином автобусе. В микрофоне рокотал басовитый голос шофёра, обращающегося к входящим пассажирам. Шофёр смеялся, и рокот разносился по всему автобусу, между остановками шофёр напевал что-то себе под нос. Да и места, мимо которых они проезжали, тоже привлекали внимание Каоса.
Но вот автобус остановился. Шофёр за руку перевёл Каоса через дорогу и прошёл с ним до поворота. Отсюда к небольшому дому, рядом с которым стоял огромный сарай, вела неширокая дорожка.
- А дальше шагай сам! - сказал шофёр.
В окне дома Каос увидел улыбающуюся тётю, но он не сразу пошёл по дорожке - ему хотелось дождаться, когда автобус отъедет, чтобы помахать шофёру на прощание. Как бы сказать ему: "Спасибо за поездку!"
Не дождавшись Каоса, тётя вышла на крыльцо. Каос подбежал к ней.

- Здравствуй! - сказала тётя. - Как ты думаешь, где сейчас дядя?
- В кузнице или в мастерской!
- Правильно! Можешь пойти к нему, если хочешь. Ты успел дома позавтракать?
- Да! Сегодня мы не спешили, потому что мама встала рано, а папа ещё раньше!
- Ну тогда беги к дяде.

Каос снял рюкзак, в котором лежали шерстяные носки, свитер, лыжные штаны, тапочки и альбом для рисования. Прислушавшись, он услышал негромкий звон, это означало, что дядя работает в кузнице. Каос побежал туда.

В горне пылал огонь. Дядя наступал ногой на большой кожаный мешок, который назывался мехи, воздух из мехов дул в горн, и огонь разгорался ещё сильнее. Каос остановился в дверях, наблюдая, как дядя щипцами берёт металлический брус и держит его в огне. Когда брус нагревался и делался огненно-красным, дядя клал его на наковальню и гнул или расплющивал, в зависимости от того, что мастерил. Сейчас ему нужно было немного согнуть брус с одного конца и сделать на нём зазубрины. Дядя снова подержал брус в огне, а потом стал стучать по нему молотом. Заметив Каоса, он кивнул ему:

- Посиди там, на скамейке!

Дядя не хотел, чтобы Каос подходил слишком близко к раскалённому железу.

- Можно, я подложу ещё дров? - спросил Каос, ему хотелось почувствовать себя помощником кузнеца.
- Не надо, я уже кончил. Сейчас мы с тобой пойдём в мастерскую.

Каос не мог понять, зачем дяде понадобилась такая зазубренная железная палка, но дядя надел на эту палку ручку и сказал:

- Это у нас тормоз. Ясно?

Потом он открыл дверцы шкафа и выкатил из шкафа коляску. Каос от удивления забыл закрыть рот. Коляска как две капли воды была похожа на коляску Бьёрнара и вместе с тем не похожа. У этой коляски имелся настоящий руль! Он был прикреплён между двумя маленькими передними колёсами и стальным тросом соединялся с задними колёсами.

- Смотри! - сказал дядя и стал крутить ручку, приделанную сбоку коляски.

Колёса приподнялись, и их место заняли полозья! Да, да, два больших полоза вместо больших колёс и два поменьше вместо маленьких. Эти полозья были шире, чем полозья у санок, но уже, чем лыжи. На них не было креплений, зато были крючки, и к этим крючкам дядя прикрепил стальной трос, соединённый с рулём.

- С помощью руля Бьёрнар сможет править коляской, неважно, едет ли он на колёсах или на полозьях, - сказал дядя. - Установить на коляске руль дело нехитрое, труднее сделать так, чтобы колёса и полозья не нужно было менять каждый раз. Иначе, какая радость от прогулки? Теперь по улице Бьёрнар может ехать, как на санях, а захочет заехать, к примеру, в магазин, покрутит ручку - и вместо полозьев опустятся колёса. Здорово, а?
- Здорово! - согласился Каос. - Я тоже нарисовал коляску для Бьёрнара, но её должны тянуть олени. - Каос давно мечтал покататься на оленях и надеялся, что он проедется вместе с Бьёрнаром на придуманной им коляске.
- Коляска с оленями? Замечательная мысль! - сказал дядя. - Такую коляску мы соорудим для Бьёрнара, когда он поедет в горы. Вы сядете в коляску, а мы,

взрослые, впряжёмся в неё, будто олени. Договорились? А сейчас давай закончим ту коляску, что придумал я. Нам осталось только приделать тормоз, чтобы Бьёрнар мог в любую минуту сам её остановить. Вдруг она нечаянно поедет вниз по склону, всё-таки у нас тут горы. - И дядя снова принялся за работу.
- А как ты сделал, что коляска может подниматься и опускаться? - спросил Каос.
- Придумал такой хитрый домкрат. - Дядя засмеялся. - Я хотел, чтобы Эве было легко обращаться с коляской. Теперь ей достаточно покрутить ручку - и готово!
Каос, не отрываясь, глядел на коляску. Как интересно: сидишь и крутишь руль! Как будто едешь на автомобиле или даже на автобусе! Ему захотелось тут же испытать коляску, но дядя не разрешил.
- Нет-нет! Первым наше изобретение должен испытать сам Бьёрнар! - сказал он.
- А как к тебе попала его коляска? - спросил Каос.
- Сосед привёз на грузовике, - объяснил дядя. - Вчера вечером я сам ездил с ним в город. Сегодня Бьёрнару пришлось отправиться на физиотерапию на такси, но вечером коляска будет уже у него. Вот и посмотрим, одобрит ли он нашу работу. Ну, а теперь нас ждёт обед, мы его заслужили.
- Много работы ещё осталось? - спросила тётя, когда они сидели за столом.
- Нет, я уже почти кончил. Вот отполирую руль и ручку, покрою всё лаком - и готово!
После обеда дядя прилёг отдохнуть - он каждый день вставал в пять часов. Тётя тоже отдыхала, читая на кухне книгу или слушая радио. А Каос пошёл гулять. Он знал, что нельзя выходить на шоссе, где ездят машины, но ведь и на усадьбе было много интересного. К тому же он мог гулять по узкой дорожке, что вела к шоссе, - по ней ездил на машине только дядин сосед.
Больше всего Каос любил у тёти маленькие финские сани. Они вместе с большими санями жили в дровяном сарае. Когда Каос с тётей, бывало, отправлялись в лавку, они брали большие сани, потому что в лавку ездили по шоссе, а маленьким саням выезжать на шоссе не разрешалось. Им, как и Каосу, можно было ездить только по узкой дорожке недалеко от дома.
Тётя пошла с Каосом в сарай. Сани уже ждали его, их вид как бы говорил: "Ну когда же мы пойдём с тобой кататься?" Так, по крайней мере, казалось Каосу. Тётя вытерла сани тряпкой и несколько раз прокатила их по рассыпанному на полу песку и опилкам. Полозья заблестели как солнце. А то, если Каос долго не бывал у тёти, полозья даже покрывались ржавчиной. Тётя вывезла сани на двор и ушла домой.
- Ну, поехали? - спросил Каос у саней.
"Давно пора", - всем своим видом ответили сани.
- Куда мы поедем сначала, с горы или в гору? - спросил Каос.
Узкая дорога, что, сворачивая с шоссе, проходила мимо тётиного дома, сперва шла по ровному месту, а потом поднималась по склону к соседней усадьбе. По этой дороге можно было съехать вниз, к шоссе, или подняться наверх. Каос и сани решили, что лучше сначала подняться наверх.
Стоя одной ногой на полозе, Каос отталкивался другой. Сани быстро

скользили вперёд. На дороге никого не было, и он начал развлекаться. Сперва он проехался, задрав одну ногу, потом, посильнее оттолкнувшись, лёг животом на спинку сиденья и поднял вверх обе ноги. Со стороны казалось, будто он стоит на голове. Наконец он сел на сани и притворился, что его кто-то везёт. Но интересней всего было толкать сани вверх по склону. Каждый раз Каос волновался: вернутся к нему сани или нет? Конечно, сани съезжали к нему обратно, и он радовался, что у него такой преданный друг.

Каос с санями забирался всё выше и выше. Тётин дом остался уже далеко внизу, но ему не хотелось возвращаться. Хотелось так идти долго-долго, придумывая всё новые и новые развлечения. Гуляя с Бьёрнаром, они всегда во что-нибудь играли. Им бывало очень весело. Но кто из них придумывал все эти игры? Каос не был уверен, что придумывал их он, и потому сегодняшняя игра особенно нравилась ему. Сегодня всё придумывал он сам. Он громко разговаривал с санями, и никто, кроме птиц, не слышал его.

- Сейчас это как будто плуг, я пашу землю, - говорил он, и птицы с удивлением слушали его.

Каос приподнял полозья и стал толкать вперёд зарывшиеся носом в снег сани. Получился настоящий плуг! Но пахать было трудно, и Каос быстро устал.

- Давай вернёмся! - предложил он саням и повернул их назад.

Став обеими ногами на полозья и крепко ухватившись за спинку, он заскользил вниз. Сперва сани скользили медленно, потом покатились быстрей, быстрей. Каос твердо стоял на полозьях и, когда скорость казалась ему чересчур большой, осторожно тормозил, опуская ногу на снег. Вокруг саней взметалось снежное облако. Потом он переставал тормозить, сани снова набирали скорость, и Каосу чудилось, будто он летит по воздуху. Так он пролетел мимо тётиного дома, но дальше спуск кончился, дорога пошла по ровному месту, и Каос без труда остановил сани.

Теперь он решил играть, будто его сани - обыкновенные дровни. Он снял шарф и привязал его спереди к поперечной планке. Взявшись за конец шарфа, он потащил сани к дому.

- Я лошадь, и меня впрягли в сани, - сказал он сам себе. - Нет, я хозяин, - поправился он, - я слез с саней и иду рядом, чтобы лошади было легче тащить сани в гору. У меня есть собака, она убежала вперёд, но сейчас вернётся ко мне.

Он сделал вид, что разговаривает с собакой и гладит её. При этом Каос не забывал, что он в то же время и лошадь, запряжённая в сани, и возчик. Игра была очень сложная.

- Тпру! - говорил он, превращаясь в возчика.

- Иго-го! - отвечала возчику лошадь.

Иногда лошадь останавливалась, крутила головой и тянулась к земле, словно искала травку на снежной дороге.

- Как же я забыл про овёс! Вот он! - сказал возчик лошади.

Лошадь радостно всхрапнула и захрустела овсом, а собака, громко лая, носилась вокруг неё. Шарф очень пригодился Каосу: когда он был лошадью, то тянул за него сани, а когда превращался в возчика, то вставал сзади на полозья и держал шарф, как вожжи.

Время пролетело незаметно, и Каос даже удивился, увидев в дверях дядю, который успел выспаться и пришёл за ним. Маленькие сани вернулись в сарай к большим, и только тогда Каос обнаружил, что у него замёрзли ноги. Тётя сняла с него сапоги и носки и долго растирала ему ноги, потом Каос переоделся во всё сухое, а его одежду повесили над плитой сушиться: времени у них оставалось в обрез, потому что дядин сосед должен был отвезти их в город вместе с коляской. Коляску поставили в кузов и накрыли брезентом, а Каос с дядей сели в кабину.

- Не люблю я возить малышей в кабине, но что поделаешь, - сказал сосед. - Пристегнитесь оба одним ремнём, а я уж постараюсь ехать потише.

И хотя грузовик действительно ехал не спеша, они добрались до города гораздо быстрее, чем на автобусе. Ведь грузовику не надо было останавливаться, чтобы высадить или забрать с собой пассажиров. Вскоре они были уже у дома, где жили Бьёрнар и Эва. Коляску спустили на землю, и дядя позвонил в дверь. Открыла Эва; должно быть, она ждала их, потому что на ней было пальто, а за её спиной в прихожей Каос увидел Бьёрнара, одетого, как для прогулки. Дядя положил на коляску коврик - коляска промёрзла в кузове и сидеть в ней было бы холодно. Потом дядя с шофёром сцепили руки так, что получилось кресло, и на этом кресле вынесли Бьёрнара на улицу.

- Ты знал, что мы должны приехать? - спросил Каос у Бьёрнара.

- Да, - ответил Бьёрнар. - Твой дядя приходил к нам вчера вечером. Я показал ему свой рисунок, а он мне - свой. Но про руль он мне ничего не сказал.

Эве объяснили, для чего служит ручка. Эва несколько раз покрутила её - колёса поднялись и их место заняли полозья, Эва покрутила ручку в другую сторону - и колёса снова опустились.

- Как легко и просто! - обрадовалась Эва. - Да ты настоящий волшебник! - сказала она дяде.

- А это тормоз, - объяснил дядя. - На тот случай, если сани поедут под горку слишком быстро.

- Мне больше всего нравится руль! - сказал Бьёрнар.

Сосед заторопился и предложил по пути, если надо, отвезти куда-нибудь Эву с Бьёрнаром.

- Спасибо, нам никуда не надо, - отказалась Эва. - Мы пойдём на вокзал встречать папу и заодно обновим коляску.

- А ноги у Бьёрнара не замёрзнут? - поинтересовался дядя.

- Нет, он в папиных сапогах, - ответила Эва.

Ни дядя, ни сосед, конечно, не поняли, почему в папиных сапогах ноги у Бьёрнара не могут замёрзнуть, но Каос-то знал, что в сапогах лежали бутылки с горячей водой.

- Ну как, Бьёрнар, нравится тебе новая коляска? - спросила Эва.

- Очень! - Бьёрнар улыбнулся. - Знаешь, Эва, теперь в сильный мороз я могу надевать твой меховой мешок, если ты сверху прикроешь его пледом. - Он понимал, что на коляске с рулём его уже никто не примет за маленького.

И Эва с Бьёрнаром поехали на вокзал - она толкала коляску, как финские сани, а довольный Бьёрнар крутил руль.

Каос с дядей снова сели в кабину, и грузовик помчался к Газетному дому.
Каосу не терпелось рассказать папе и маме о сегодняшнем дне.
Папа стоял у окна, поджидая Каоса. Увидев его, дядя сказал:
- Беги домой, Каос, тебя ждут, а мы поедем дальше. Передай привет папе и маме.
- Я спешу, Каос, - сказал сосед, - ты уж прости, а то бы дядя, конечно, зашёл к вам. Будь здоров!
- До свидания! - Каос спрыгнул на тротуар и побежал к дому.
Водопад шумел, он как будто говорил Каосу: "Здравствуй!", но Каос так спешил, что даже не взглянул на него.
Хоть Каос и жил на первом этаже, ему нужно было подняться на несколько ступенек. Обычно он бегом взбегал по ним, но тут его охватило странное чувство - всей душой он вдруг ощутил, как хорошо вернуться домой. Он любил бывать у Бьёрнара, ему нравилось ездить к тёте и дяде, но оказывается, тут, дома, ему было лучше всего. От этого чувства Каосу сделалось жарко, ноги налились свинцом, и он не мог быстро взбежать по ступеням.
Папа открыл дверь, и Каос бросился ему на шею.
- Здравствуй, сынок! - сказал папа, обнимая Каоса.
- А где мама?
- У них собрание, она немного задержится. Расскажи-ка мне про коляску. Сумел дядя сделать всё, как хотел?
И Каос стал рассказывать про коляску, про дядю с тётей, про маленькие финские сани и про дядиного соседа, который привёз их в город на своём грузовике.
А когда он кончил рассказ и они с папой поели, пришла мама, и Каос рассказал всё во второй раз. Чтобы папа с мамой могли представить себе, как теперь выглядит коляска Бьёрнара, Каос сел на стул и взял в руки палку, на которую надел крышку от кастрюли. Мамин зонтик изображал тормоз, а с помощью ручки от мясорубки Каос как будто поднимал и опускал колёса. И папа с мамой всё прекрасно поняли.
- Эве с Бьёрнаром повезло, что наш дядя такой мастер, - сказал папа. - А если они когда-нибудь поедут с нами в горы, ему придётся приделать к коляске полозья от финских саней.
Каос кивнул, с трудом сдерживая зевоту: ему уже очень хотелось спать, но он старался, чтобы папа с мамой этого не заметили. И зря старался, потому что папы и мамы обычно замечают всё.
- Пора спать! - сказал папа. - Сегодня моя очередь беседовать с Каосом перед сном.
- Хорошо, - согласилась мама. - Только пусть он не забудет почистить зубы.
От этих слов сон Каоса как рукой сняло. Он будто проснулся и начал бегать по квартире - из кухни в гостиную, из гостиной в спальню, из спальни опять в кухню. Он хотел, чтобы папа побегал за ним. Он даже спрятался под стол, но уж под стол за ним папа не полез.
В конце концов оба выбились из сил.
- Поиграли, и хватит, - сказал папа.
Но Каос побегал ещё немного. Папа молча ждал его. Потом они вместе пошли в

ванную, и Каос выдавливал пасту, чистил зубы и полоскал горло. Папа его не торопил, но Каос и без того всё делал быстро - он вспомнил, что его ждёт беседа с папой. Надев пижаму, он нырнул в постель.
Папа сел к нему на край кровати и спел одну старинную песню, которая очень понравилась Каосу. Потом он рассказал ему про лисицу: лисица бежала по дороге и нисколько не испугалась маленького голубого автобуса, возвращавшегося в город.
- Голубой автобус посигналил ей? - спросил Каос.
Папа покачал головой.
- Нет. Голубой автобус был не в духе. Он уже много дней не в духе, потому что у него почти нет пассажиров. Правда, я объяснил ему, что скоро всё изменится: дни станут длиннее, морозы кончатся и туристы снова начнут ездить в горы.
- А сейчас туда никто не ездит?
- Почти никто.
- А что было потом?
- Увидев лисицу, мы ненадолго остановились. В автобусе было всего два пассажира. Когда лисица убежала, мы поехали дальше. Голубой автобус был погружён в свои мысли. Он не смотрел ни на лес, ни на усадьбы, ни на заснежённые поля и даже не заметил, как миновал нашу площадь. Сегодня он не танцевал перед Газетным домом, а поехал прямо на автобусную станцию.
- Почему не танцевал?
- Ему не захотелось, ведь в двух знакомых окнах первого этажа не горел свет. Автобус сразу понял, что там никого нет, и не стал танцевать.
- Автобусу было грустно?
- Да, немного, - ответил папа. - Ему, а не мне, ведь я знал, где вы.
- А завтра он нам потанцует? - спросил Каос.
- Думаю, потанцует. - Папа улыбнулся.
- Как хорошо, что мы все уже дома, - сказал Каос и зевнул.
Папа тихонько запел песню. Каос зевнул ещё раз и закрыл глаза. Типография стучала. Водопад шумел. Всё было так, как нужно. Каос заснул.